

Шеннон Стейси "Омела и Маргарита"

Название: "Омела и Маргарита"

Автор: Шеннон Стейси

Перевод: Наталья Шинова

Сверка: Intern@l

Редактура: Рита Разумная

Вычитка: Наталья Мубарак

Переведено специально для группы https://vk.com/books_25

Копировать материал без указания переводчиков и редакторов запрещено! Давайте уважать чужой труд!

Аннотация:

Праздники в разгаре.

Клэр Рутледж всё ещё верит в любовь, несмотря на то, что потеряла мужа. Поэтому, спустя два года, она не удивляется жарким снам, говорящим ей, что пришло, пожалуй, время двигаться дальше. Но она не ожидала видеть в главной роли своего друга Джастина.

Джастин МакКормик любит Клэр с того самого момента, когда впервые увидел, но его лучший друг оказался первым. Теперь, когда Клэр готова двигаться по жизни дальше, Джастина становится всё труднее скрывать свои истинные чувства, чем когда-либо. И когда их обоих захватывает праздничная атмосфера на вечеринке, их взаимное притяжение начинает бурлить в ночь, о которой ни один из них не сможет забыть...

Глава 1

Когда Джастину МакКормику было четырнадцать, авария с мотоциклом-внедорожником уложила его в больницу на две недели, но даже три сломанных ребра и сотрясение мозга не причиняли такой боли, какую причиняла сейчас любовь к вдове его лучшего друга.

Несмотря на это, он был здесь, припарковав свой грузовик рядом с её старой Volvo, и поднимался по внешней лестнице в квартиру над гаражом ее хозяина, как будто он вернулся обратно на тот внедорожник. Зная, что есть шанс, что он вновь получит отпор, он готов рискнуть.

В отличие от истории с внедорожником, здесь у него шансов не было. Джастин знал, что будет получать отпор снова каждый раз, когда покажется на пороге Клэр. Он знал, что будет больно, но даже если бы у него не было использованного пакета от "Dunkin' Donuts", полного скомканными квитанциями, которые он должен подбросить вместе с ней, он должен был бы зайти. Он всегда это делал. Потому что они были друзьями. После аварии с Бренданом, их дружба не ослабла, а наоборот, стала еще крепче.

Клэр открыла ему дверь квартиры, когда он только протянул руку к звонку. Её светлые голубые глаза светились волнением, длинные светлые волосы, собранные в конский хвост, раскачивались, когда он ослепил её дружелюбной улыбкой, которую он совершенствовал с их первой встречи. Эта дружелюбная улыбка была настолько совершенна, на самом деле, что Клэр никогда — за три года, пока она встречалась с Брэнданом, и три года супружества, и два года вдовства — не догадывалась, как Джастин к ней относится на самом деле.

— Ты привёз мне пончики?

— Квитанции.

Он передал ей пакет и рассмеялся, когда она сердито посмотрела на содержимое.

— Работа под видом пончиков? Это просто подлость.

Она прошла в угол квартиры, который служил ей кабинетом, и бросила пакет на стол.

— Я отдам Мокси твой сэндвич.

Большая кошка светло-коричневого окраса вилась у него в ногах, останавливаясь, чтобы потереться головой о колени, пока Джастин не взял её на руки и не почесал между ушками.

— Ты же даже не любишь пончики.

— Я люблю их больше, чем охапки замызганных, драных квитанций, которые ты вытаскиваешь из-под сиденья своего грузовика.

— Просмотри их, иначе я начну думать, что бухгалтерия — не твоё призвание.

— Конечно, призвание, — Она одарила его улыбкой, которая сбила бы его с ног, если бы у него не было такого большого опыта сопротивляться ей. — Есть просто так много дел, которые я могу выполнять в тренировочных брюках.

Он положил Мокси на диван и отправился на кухню в поисках еды, о которой говорила Клэр. Единственное, что она делала лучше, чем вести бухгалтерию для местных поставщиков картофеля, была кулинария.

Так как он предупредил ее, что заскочил на минутку, Клэр быстренько приготовила пару сандвичей. Но это были сэндвичи с тонко нарезанной ветчиной, со швейцарским сыром на цельнозерновой домашней булочкой с маслом и пряной горчицей, именно так, как он любит.

Она знала, что и как он любит, и чаще всего знала, о чём он думает, ещё до того, как он высказывал это вслух, но она не знала, насколько сильно он её любит. Это озадачивало его иногда. Он не мог увидеть насколько, пока она отказывалась видеть это. Может быть, она и знала, но никогда не чувствовала того же, и притворство сохраняло их дружбу.

Высыпая чипсы себе на бумажную тарелку, Клэр посмотрела на него и спросила:

— Как дела с... Триш, кажется?

— Да, Триш. Но мы расстались несколько дней назад.

— Ты имеешь в виду, ты её бросил.

Взгляд, которым она его одарила, был ему знаком, полный женского отвращения взгляд.

— Что же с ней было не так?

Она была не ты.

— У нас всё равно ничего бы не вышло. Я сделал одолжение нам обоим.

Когда она протянула руку и коснулась его руки, ему потребовалась вся его сила воли, чтобы не вырваться.

— Если и дальше так будет продолжаться, ты останешься "с носом", ты ведь знаешь это.

Она была человеком, открыто проявляющим свои чувства, всегда касалась его ладони, или хватала его за руку, или оставляла свою руку на его плече, не представляя, насколько мучительно это было для него. Он ощущал тепло её ладони сквозь рубашку, и ему до боли хотелось почувствовать её на своей обнаженной коже.

— В пятницу, как договаривались? — спросил он, хотя раньше он говорил себе, что намерен сказать ей, что не сможет это сделать.

— Да. Так как моей единственной племяннице исполняется три, я не могу не пойти.

— Ты не против, если мы поедем на моём грузовике, чтобы я мог остановиться и поменять шины? Мы же всё равно едем через Манчестер.

— Отлично, но если ты за рулём, я плачу за газ. Пицца сегодня вечером?

— Да.

Вечер вторника всегда был вечером пиццы. Пицца и пул в местной пиццерии вечером лучше, чем иметь кучу детей, бегающих вокруг. Это всегда было традицией — только вначале были Джастин и Брендан.

— Мне нужно забрать договор на очистку той новой площади, так что я сметаюсь и заберу тебя.

Откусывая свой сэндвич, она вытянула ноги под столом. Её лодыжка задела его, но она не отдёргнула её. Ей было просто удобно, она оставила её там, не догадываясь, что медленно убивает его внутри.

Он должен был вернуть её, не выходя за рамки дозволенного.

Не полностью, конечно, но ему нужно было установить дистанцию между ними. Он говорил себе об этом долгие месяцы, с тех пор как её врожденное чувство юмора и радость жизни постепенно преодолели её горе и она снова стала той Клэр, которую он знал и любил долгие годы.

Не важно, как часто он велел себе отдалиться, он не мог себя заставить сделать это.

Мысль, что Клэр больше не будет в его жизни, причиняла боль. И вопрос, на который он не мог ответить, был в том, что больнее: жить без неё, или жить как её лучший друг.

Ничто не могло заставить Клэр танцевать более зажигательно, чем танец снежинок на экране во время прогноза погода в вечерних новостях. Снежинки были пару дней назад и их не будет много, но это было начало.

Снег означал снежные сугробы, и сугробы означали, что она теперь будет чаще видеться с Джастином. По профессии он был кровельщиком, но, как и многие парни, чья работа на зиму накрывалась медным тазом, он чистил трактором снег. И так как жил он у чёрта на куличках, а большинство из его клиентов были в городе, он заваливался на её диван, чтобы поспать часок-другой в перерывах между работой. И, если у неё не будет

работы по копированию, она будет ездить с ним и поддерживать компанию, пока он очищает подъездные пути и автостоянки.

Теперь, когда даже самые запоздалые заказчики получили свой заказ по ремонту на крыше, а её клиенты еще не начали сходить с ума от налогов, у них появилось окно, продолжительностью в несколько недель, когда им можно отдыхать больше, чем работать, и она намеревалась воспользоваться им. И начнут они с пиццы и бильярда сегодня вечером.

Во-первых, ей нужно было сначала закончить кое-какую работу. Начиная с новой пекарни, которая за менее чем два месяца работы умудрилась устроить настоящий кошмар в своих бумагах, заблуждаясь в своих бухгалтерских способностях. Качая головой и бормоча себе под нос, постоянно прерывая работу, чтобы объяснить Мокси снова и снова, почему она не должна лежать на бумагах, она была занята несколько часов и остановилась лишь потому, что было почти пять, а каждый вторник в пять забегала Пенни.

У отца Пенни, Данвер, было оборудование для прокладки труб, там работали три старших брата Пенни и еще пара ребят. Пенни работала в офисе, отвечая на звонки и выполняя большую часть работы с документами. Она могла вести основные книги и балансировать чековую книжку, но начисление заработной платы было выше её сил. Поэтому каждый вторник она сбрасывала информацию, а в четверг, в обед, забирала чеки.

Точно в срок, Пенни постучала два раза и вошла. Она была высокая брюнетка, которая буквально потрескивала энергией, и, несмотря на то, что Клэр считала ее подругой в течение многих лет, она могла быть утомительной.

Как всегда, Пенни бросила папку табелей учета рабочего времени на стол, а затем подошла, чтобы полюбоваться фотографиями Джастина, которые Клэр хранила в рамках на книжной полке.

— Когда ты собираешься сжалиться надо мной и познакомишь меня с ним?

— Когда перестану тебя любить и захочу видеть, как ты, свернувшись калачиком перед кино «Мег Райан», реवेशь в пинту "Ben & Jerry".

— Ты так уверена, что он разобьёт моё сердце. Откуда тебе знать, может, я не стану такой, как все остальные?

— У Джастина ты не одна такая. У него их много, и я не хочу, чтобы ты стала одной из них.

Пенни повернулась и бросила на неё испытывающий взгляд.

— Или, может быть, ты хочешь придержать его для себя.

Лицо Клэр залилось румянцем, и она смотрела вниз на бумаги на своём столе и, качая головой, надеялась, что ее волосы скроют её порозовевшие щеки.

— Не будь идиоткой. Он мой лучший друг.

— И?

— Он был лучшим другом Брендана.

— И?

— И... Что и? Это было бы странно.

— Что в этом странного? Ты уже знаешь, что вы подходите друг другу почти во всём. Почему с сексом было бы иначе?

Секс. С Джастином.

Ее тело начало покалывать, как конечности, которые заснули и теперь просыпаются, горя от иголок. Вот так вот, сказала она себе. Её внезапное влечение к Джастину показало ей, что тело снова готово принять мужчину, даже если её сердце пока не готово.

Она заставила себя засмеяться и посмотреть прямо на Пенни.

— Для человека, который хочет его подцепить, ты слишком настойчиво отправляешь меня в его постель.

Она пожала плечом.

— Мне вовсе не обязательно его держать. Я просто поиграю с ним некоторое время.

— Но я лишила бы себя удовольствия от испытания нескольких оргазмов, лишь бы увидеть тебя счастливой, потому что в этом плане я хороший друг!

В этот раз смех Клэр был неподдельным.

— Ну и дела, спасибо. Почему ты думаешь, что секс с Джастином доставил бы море удовольствия и множество оргазмов?

Не то чтобы это имело значение, конечно, так как она не собиралась заниматься сексом со своим лучшим другом, будь он хоть зверем в постели или кто другой. Слишком многое было между ними, и когда так называемые множественные оргазмы закончатся, она просто останется без лучшего друга.

— Парни, которые боятся серьезных отношений, как правило, лучше в постели, — сказала Пенни, и Клэр стало интересно, говорит она по собственному опыту, или же она прочитала это в журнале. — Они имеют более разнообразные вкусы и позы..., если ты понимаешь, о чем я.

Она даже думать об этом не хотела.

— Ты знаешь его дольше, чем я. Для чего тебе нужна я, чтобы закадрить его?

— Мы возвращаемся в разных кругах. И всегда так было.

Именно Пенни была причиной того, почему она встретила Брендана и Джастина. Когда Клэр и Пенни были на последнем курсе Университета Нью Гемпшир, когда они стали соседками по комнате и подругами. Однажды на выходные, Клэр, вместо того, чтобы отправиться к своим родителям, поехала к ней, и они пошли на вечеринку. Несколько минут с Бренданом были всем, что потребовалось.

С тех пор Пенни выглядела смешно, когда думала, будто Клэр на самом деле хочет, чтобы Джастин был только её, она решила покончить с этим.

— Чеки будут к четвергу, в обычное время.

После того как Пенни ушла, Клэр привела в порядок стол и покормила Мокси. Потом сделала кое-что по хозяйству, и её мысли вернулись к Джастину.

Она не могла бы определённо сказать, что именно, но что-то с ним было не так. Даже не смотря на то, что они были практически лучшими друзьями, она подозревала, что он что-то от неё скрывает. И что бы там ни было, скорее всего, это было не очень хорошо.

Он будет здесь в любую минуту, чтобы забрать её, поэтому она опустила права и кредитную карточку в задний карман и прицепила сотовый к одному переднему карману, опустив ключи в другой. Когда он подъехал к дому, она натянула свой любимый шерстяной пуловер.

На своем пути по квартире, она остановилась, как обычно, и посмотрела на ряд фотографий, стоящих наверху на полке, те, на которые смотрела Пенни, в серебристой рамке слева от её свадебного фото.

Это была двойная рамка, в ней рядом было две фотографии 5x7. На левой было фото Брендана и Джастина, они стояли перед школой в первый школьный день в четвёртом классе. Оба они улыбались во весь рот маме Брендана, держащей фотоаппарат, очевидно, они были рады приступить к грандиозному новому учебному году вместе.

Фото справа, снятое на вечеринке в ее честь, было её любимое из тех, где эти два парня были вместе. Оба выглядели чертовски красиво в их смокингах, оба высокие и спортивные, но Брендан был светловолосым и светлокожим, а у Джастина были волосы потемнее и загорелый цвет лица человека, который работает на свежем воздухе. Она смотрела на фото сто или больше раз с тех пор, как Брендана не стало.

На этот раз, однако, ее взгляд задержался на его лучшем друге. Фотограф снял их, когда они смеялись, и медово-карие глаза Джастина сверкали на неё из рамки.

В последнее время она часто замечает его глаза. Теплоту в них, когда он смотрит на неё.

Что-то, похожее на печаль, когда она замечала, что он смотрит на неё. А смотрел он на неё часто.

Нет, она не была уверена, что было с ним, но она должна была признать, хотя бы себе, что и она тоже часто смотрит на него.

Это естественно, говорила она себе. Более двух лет её сердце боролось после смерти Брендана, её тело снова пробуждалось. Ей не хватало секса, а Джастин был очень симпатичным парнем. Это было естественно, — что она иногда задавалась вопросом, как было бы, если бы он коснулся ее, — она пыталась убедить себя.

Когда звонок на её мобильном телефоне сообщил о новом сообщении, она подскочила, как если бы её застали за чем-то нехорошим. Схватив олимпийку, она открыла сообщение и одновременно заперла дверь за собой.

"На месте".

Она закатила глаза и опустила телефон обратно в чехол. Джастин терпеть не мог писать СМС-ки. Он жаловался, что у него слишком большие и мозолистые кончики пальцев для маленьких кнопочек, но ей нравились его руки. Это были рабочие руки умелого человека, сильные и грубые, и на секунду она поймала себя на мысли, что ей хочется узнать, что бы он чувствовал, коснувшись её мягкой обнажённой кожи. Она отмахнулась от путанного, неясного образа и спустилась по ступенькам к дороге.

Когда она запрыгнула в грузовик, он улыбнулся ей и захлопнул дверь.

— Привет. Нам, возможно, потребуется две пиццы. Я думаю об этом весь день.

В то время как сама она думала о нём.

— Если мы возьмём две, ты можешь взять с грибами, и мы оба возьмем остатки на завтрашний ужин.

Улыбка растянулась на всё лицо.

— У тебя, может, и останется. А я умираю с голоду.

Он использовал зеркала, чтобы выехать с ее дороги, но чтобы видеть оживленную главную дорогу, ему приходилось сгибаться и смотреть в заднее окно грузовика, лежа руку на спинку сиденья. Он делал это сотни раз, но в этот раз она знала, насколько близко были его пальцы, чтобы задеть её плечо.

В этот раз у неё было желание спихнуть на пол его ворох документов, и визитных карточек, и бланков, скользнуть на среднее сиденье и спрятаться у него под рукой.

Тем не менее, она этого не сделала. Вместо этого она смотрела в окно и проклинала Пенни за то, что та вселила эту мысль ей в голову.

У Джастина в одной руке был кусок пиццы, в другой бильярдный кий и он рассуждал об ударе Клэр, когда в переднюю дверь вошли Рутледжи. Родители Брендана

увидели его сразу через большое окно в игорном зале, и он почувствовал ту же мимолётную вспышку стыда, которую он чувствовал каждый раз, когда видел их, с тех пор, как Брендан познакомил их с Клэр. Он улыбнулся и помахал им рукой, в которой держал пиццу.

Клэр обернулась посмотреть, кому он машет, и он заметил, как вспыхнуло её лицо. Не было никакой семейной драмы Смитов и Рутледжей вокруг женитьбы, так как семьи нашли общий язык почти так же хорошо, как Клэр и Брендан. Всё было как в сказке, правда. Кроме окончания. Окончание было провальным.

— Я забыла, что по вечерам вторника вы играете в бильярд, — сказала Джуди Рутледж, когда она и Фил повернули за угол игорного зала.

Клэр поцеловала каждого в щеку, потом была очередь Джастина получить поцелуй от Джуди и пожать руку Филу. Они были для него как вторые родители с тех пор, как они переехали в город летом, прежде чем Брендан и Джастин пошли в четвертый класс, и завязалась их дружба. У Рутледжей была гостиная, два телевизора, нескончаемый запас свежее испеченного печенья и никакого ограничения по времени на видеоигры, поэтому мальчики зависали тут намного чаще, чем дома у МакКормиков. Мама Джастина работала много часов в своей парикмахерской и была просто счастлива, что ее единственный ребенок выбирается из волос как можно чаще.

— Всё готово к Рождеству? — спросил Фил, потому что так обычно начинались все разговоры за две с половиной недели до большого праздника.

— Нет, — сказали Джастин и Клэр одновременно.

Клэр засмеялась.

— Я собираюсь достать ёлку в субботу и, наверное, пройду по магазинам на следующей неделе. Может быть.

Джуди покачала головой.

— Я надеюсь увидеть вас обоих в Сочельник.

— Ни за что бы не пропустили, — сказал Джастин. Таков был план. Появиться у Рутледжей на семейном празднике в сочельник, потом он и Клэр у неё в квартире посмотрели бы "Рождественские Каникулы". Это была традиция.

Рутледжи пошли заказывать пиццу на вынос, и как только вошёл Крис Джонс, Клэр передала ему кий и пошла посидеть с Джуди и Филом, пока они ждали заказ.

Крис был молод и хорош лицом, но не особо начитан. Да и его трудовая этика, мягко говоря, была немного ненадёжная, о чём Джастин знал, так время от времени брал его на работу в течение лета. Когда у Криса кончались деньги на пиво и видеоигры, он мог помочь сделать крышу или две, потом увольнялся.

— Должно быть, настало время двинуть на север, — сказал Джастин. В зимнее время Крис жил и работал в одном из модных курортов, потому что почти причудливая природная способность обучать богатых людей кататься на лыжах была ещё одним его плюсом.

— В понедельник. Но на пятнадцатое мне удалось забить несколько часов в середине дня. Ты со мной?

— Черт возьми, да.

Это был день, когда официально открывают ворота на снегоходные тропы.

— Несколько часов это лучше, чем ничего. Я пришлю СМС, когда прибуду туда, и мы сможем отправиться.

— Ну что, сблизился с ней? — спросил Крис, и Джастин понял, что уже долго наблюдает в окно за Клэр, как она смеётся над чем-то, что сказала Джуди.

Он заставил себя сосредоточиться на бильярдном столе.

— Я же говорил тебе, всё не так.

— Я не понимаю, в чём проблема. Она горяча, да и времени вместе вы проводите больше, чем женатая пара.

— Мы друзья, Крис. Мужчина и довольно горячая женщина могут быть друзьями и без секса.

Это нелегко, но возможно.

Джуди и Фил высунули головы, чтобы попрощаться, когда их еда была готова, и Джастин дал Крису предупреждающий знак за спиной Клэр. Эта тема была закрыта, по крайней мере, пока это касалось других. Для Джастина она никогда не была закрыта.

— Кто выиграл? — просила Клэр, хватая новый кусок пиццы с подноса.

— Я, — сказал Крис. — Я его сделал, в самом деле. Должно быть, его мысли витали в облаках.

Так как она была рядом, Джастин больше не мог отправить Крису свирепый взгляд, поэтому он постарался сохранять нейтральное выражение лица.

— Я поддался. Чтобы поднять твою самооценку.

— Неважно, чувак. Клэр, ты в игре?

— Укладывай пирамиду.

Так как смотреть, как играют эти двое, на самом деле значило смотреть, как Клэр изгибается над столом, чтобы рассчитать удар, Джастин выложил в ряд несколько монет по двадцать пять центов вдоль края пинбола и принялся вымещать своё разочарование на металлическом шарике. Игра была быстрой и громкой, как раз то, что нужно, чтобы отвлечь его от игры за его спиной.

Пока Клэр не подошла ближе, чтобы посмотреть, и он почувствовал слегка тропический аромат ее мыла и шампуня и представил, что он мог бы чувствовать тепло её тела, стоящего так близко к нему, и металлический шар упал в желоб с электронным сигналом о проигрыше.

— Как раз вовремя, — сказала она. — Я только что надрала ему задницу, так что ты снова победитель.

— Ты абсолютно права.

Он собрал монеты, которые не успел проиграть, и сунул их в карман, используя возможность, чтобы привести в порядок промежность джинсов.

Пора поговорить с самим собой о том, чтобы сократить время, которое он проводит с Клэр.

Завтра.

Глава 2

Было еще темно, когда Клэр проснулась, чувствуя, как кровь прилила к ее лицу, немного задыхаясь и сильно смущаясь.

Она часто видела сны о сексе, что, вероятно, было нормально, учитывая, что она была двадцати восьмилетней женщиной, которая не имела реального секса в течение двух лет. Но сейчас сон в первый раз был так восхитителен, почти реален, а воображаемый секс был так умопомрачительно хорош, что она проснулась, и тело требовало большего.

Что не было хорошо, потому что так получилось, что это в первый раз, когда она увидела сон о сексе с Джастином. Это не могло быть совпадением.

Мокси, почувствовав, что она проснулась, прошла по постели, чтобы столкнуться с ней лбами, но Клэр перекатилась на живот и зарылась лицом в подушку. Только что у неё был самый лучший секс в её жизни. Жаль, что он не был настоящим. И он был с человеком, о сексе с которым она не должна была даже думать.

Все знали: самый быстрый способ для мужчины и женщины испортить дружбу — это заняться сексом

Мокси жалобно мяукнула, массируя плечо Клэр, и она вздохнула. Была уже половина шестого, или нет, надо вставать. Если она пойдет спать, ей может снова присниться секс со своим лучшим другом, а нервы сказали, что одного раза было достаточно.

— Это Пенни виновата, — бормотала она кошке, садясь. — Она внедрила эти мысли в мою голову.

Она поставила кофейник завариваться и сходила в ванную комнату, но шаткое, неуравновешенное чувство не исчезло.

Первая чашка и утренние новости не помогли, не помогла и Мокси, которая, слегка подталкивая, спрашивала, что случилось. Она не дошла ещё до того, чтобы попытаться объяснить своей кошке, как её ошеломил эротический сон о её лучшем друге.

Может быть, она не хотела секса с Джастином. Может быть, это её тело давало тонкий намек, что пора погружаться в омут свиданий. На самом деле, тело требовало, чтобы она пушечным ядром прыгнула с трамплина, но её сердце не хотело погружаться даже на мизинчик.

Она поняла, что она крутит своё обручальное кольцо на пальце, и заставила себя остановиться.

Никому не интересно узнать подробности близкого знакомства с женщиной, которая носит обручальное кольцо. Да и нет парня, с которым стоит встречаться.

Может быть, настало время снять его и убрать. Быстро и безболезненно.

Или настало бы, если бы кольцо не застряло на суставе пальца. Средство для мытья посуды не подошло. Сливочное масло не помогло. Когда даже обильное смазывание оливковым маслом не помогло сдвинуть кольцо с места, она прислонилась к стойке, слёзы катились по лицу беспрепятственно, потому что её руки были так измазаны, что она не могла вытирать слёзы с глаз.

Может быть, это был знак. Если она не может снять кольцо, она не должна даже думать о том, чтобы снова встречаться. Она засмеялась сквозь слёзы, и Мокси, которая наблюдала за ней с пренебрежительным интересом, отступила к спинке дивана.

— Никакой это не знак, — сказала она громко. — Это всё чипсы, которые я ела, пока смотрела "Самый Большой Неудачник".

Десять минут она подержала руку между двумя пакетами с колотым льдом, потом снова смазала оливковым маслом, и только после этого смогла стянуть кольцо с сустава.

Клэр положила его на стойку, такое скользкое и блестящее, пока сама отмывала руки. Хотя уже наступала зима, она много времени проводила осенью на свежем воздухе, и белый след от кольца на пальце резко выделялся на загаре, который только-только стал смываться. Когда руки стали чистыми, она отмыла кольцо и вытерла его насухо.

Обручальное кольцо Брендана лежало на комодe, в маленькой деревянной шкатулке, украшенной крошечными ракушками, — сувенир на память о медовом месяце на полуострове Кейп-Код, — такая же ветхая, какая она и должна быть за столько лет. Она открыла крышку и вытащила золотое кольцо, такое же, как у неё, только побольше. Во время церемонии оно застряло на его суставе, хотя тогда чипсы, скорее всего, были не при чём. Им не пришлось просить лосьон для рук у гостей, хотя Джастин шепотом посоветовал поплевать на него. Вместо этого она просто засунула кольцо на палец, Брендан вздрогнул, и потом они все смеялись над этим во время банкета.

Она смутно помнит, как её спросили, хочет ли она, чтобы Брендана похоронили с ним, но она не смогла с ним расстаться. Долгое время она носила его на цепочке на шее, но она не привыкла к цепочкам, и когда пришло понимание, что оно ей больше мешало, чем помогало, она сняла его.

Теперь она бросила оба кольца в коробку и, глубоко вдохнув, закрыла крышку. Она ждала, что почувствует себя по-другому. Может быть, легче или свободнее, или что вроде этого...

Но всё, что она чувствовала, была какая-то ничтожная пустота. И на неё не напало желание срочно бежать и регистрироваться на сайте онлайн-знакомств. Всё, что она могла сделать, это надеяться, что одного маленького шага будет достаточно, чтобы

удовлетворить ее подсознание и положить конец этим шаловливым фантазиям о Джастине.

Через несколько минут зазвонил телефон, и она чуть не пролила вторую чашку кофе на футболку. Что еще хуже, на экране ей высветилось имя звонящего — "Джастин".

Молясь, чтобы её голос звучал как можно естественнее, она ответила:

— Алло?

— Ты уже проснулась?

— Нет. Я говорю по телефону во сне.

— Умничаешь. Я просто хотел посмотреть, сможем ли мы выехать пораньше, чем планировали. Если ты не спишь.

— Я не сплю с половины шестого. Большое спасибо.

Он засмеялся:

— Ты? Сработала пожарная сигнализация или что?

— Очень смешно.

Не могла же она сказать, что её разбудил исключительно хороший секс с ним.

— Нас никто не ждёт у моих родителей до двух.

— Я собираюсь купить завтрак. Я не знаю, сколько времени понадобится, чтоб заменить шины, и мне ещё нужно захватить подарок для Николь.

— Ей исполняется три, и мои родители, наверное, уже скупили игрушечный магазин. Не нужно тебе везти подарок.

— Я не могу идти на день рождения без подарка. Тогда я буду чувствовать себя виноватым, беря второй кусок пирога.

Клэр засмеялась, и его обычное добродушие разогнало остатки затянувшегося странного состояния.

— Прекрасно.

— Во сколько ты хочешь выехать?

— Я буду ждать тебя в восемь.

— Звучит отлично.

Она закончила разговор, чувствуя себя намного лучше. Это был просто глупый сон.

Джастин сразу его заметил, след не загорелой коже от кольца там, где раньше было золотое кольцо, — и его сердце перевернулось в груди, как замерзший двигатель в морозное утро.

Он знал, что должен что-то сказать, может быть, поздороваться, но он застыл, глядя на след не загорелой кожи от кольца, пока она застёгивала пальто, и единственная связная мысль в его голове была "Что, черт подери, это может значить?"

Пять лет назад он был свидетелем, как Брендан надел то обручальное кольцо на палец Клэр, и с тех пор он не видел её без него. Оно служило безошибочным, хорошо видимым напоминанием, что она была женой Брендана, и теперь оно исчезло.

— Ты в порядке?

Нет, он не был в порядке. Его пульс словно участвовал в гонках. Ладони вспотели. И хроническая боль, которая была его постоянным спутником, вспыхнула в пульсирующую боль.

Она была готова ехать.

— Джастин? Эй?

— Да. Конечно. Ты готова?

Не дожидаясь ответа, он повернулся и стал спускаться по лестнице, стараясь сохранить между ними дистанцию. Конечно же, это не сработало, потому что она ехала с ним, и через несколько минут Клэр со своим обнаженным пальцем без кольца сидела рядом с ним, в его внезапно ставшей тесной кабине грузовика.

Иметь девушку в качестве лучшего друга было достаточно сложным испытанием. Они не настолько сильны физически, чтобы помочь парню заменить мотор. Они плачут во время фильмов. Им нужны блендеры и зонтики для напитков вместо просто холодной бутылки пива. Черт возьми, однажды он даже купил пачку тампонов. Клэр тогда была больна, и, слава Богу, она прислала ему фото нужной упаковки, иначе он бы до сих пор стоял там, в женском отделе, потому что у женщин нефиговый выбор этих товаров.

Но иметь в качестве друга девушку, в которую ты наполовину, или даже больше, влюблён — это особая адская пытка.

До сих пор он её стойко переносил, но ни за что на свете он не собирался сидеть на её кровати и смотреть, как она копается в шифоньере и ищет, что надеть на первое свидание. Он не хочет видеть, как она будет вздыхать над текстовыми сообщениями какого-то там парня. И гори он в аду, если он собирается хихикать, обсуждая потом детали, если она пригласит какого-нибудь болвана "выпить".

— Ты чего не в духе?

— С чего ты взяла, что я не в духе?

— О, как насчёт того факта, что ты пытаешься задушить руль? Или того, что твои брови практически касаются носа? Или того, что ты почти на половину сжег свои шины, выезжая со двора?

Он приложил усилия, чтобы ослабить хватку и не терзать руль, но выдавить даже слабую улыбку было выше его сил.

— Пустяки. Трудный день.

— Сейчас восемь утра.

— Ладно. Трудное утро.

— По телефону ранее твой голос звучал нормально.

Она не собиралась оставлять это так, пока он не даст ей ответ.

— Досада с бойлером для воды была, всего то.

— Холодный душ — не самое счастливое начало дня.

Это была ложь только наполовину, так как он и вправду принял изрядную долю холодного душа. А ложь, конечно, была в том, что виной тому был бойлер.

К тому времени, когда они заехали позавтракать в свой любимый дорожный ресторанчик и поменяли шины, к нему вернулось чувство уверенности. Исключение составляли те моменты, когда в поле его зрения попадал участок не загоревшей кожи от кольца, что было проблемой, потому что она часто жестикулировала руками, когда разговаривала.

Они были в игрушечном магазине, рассматривали полки с настольными играми для дошкольников, когда Клэр скрестила руки и вздохнула.

— Просто скажи это, Джастин.

— Хорошо. Николь три годика. Почему я не могу просто купить ей куклу? Ни одна деталька не потеряется.

— Прекрасно. Купи ей куклу, хотя она просила игры. Но я говорю не об этом. Я потеряла счёт, сколько раз ты посмотрел на мою руку за эти два часа. Просто скажи это.

— Ты сняла свое обручальное кольцо.

Она смотрела на него, как будто ждала чего-то большего, но он не знал, что ещё сказать. Это для неё много значило, и, хотя она не любила его так, как любила Брендана, он знал, что он был важен для неё. То, что он говорил, имело значение.

— Это не значит, что я собираюсь забыть его, — сказала она тихим голосом.

— Я знаю это.

— И никто никогда не займет его место в моём сердце.

О, это он тоже знал.

— Я не расстроен из-за того, что ты его сняла, Клэр. Это просто непривычно, поэтому бросается в глаза. И напоминает мне о нём, понимаешь?

Слёзы навернулись на глаза, но она пыталась сдержать их, кивая.

— Понимаю. Мне тоже.

— Что он больше всего любил в тебе, так это то, как ты всегда радуешься жизни. Он хотел бы, чтобы ты, знаешь... Шла дальше. Была счастлива... ну и всё такое.

Джастин тоже хотел этого для неё. Но только не с другим. Особенно "всё такое".

Она засмеялась и смахнула вырвавшуюся слезу тыльной стороной руки без кольца.

— Ты не мастер говорить, но ты по-настоящему хороший друг, знаешь.

Здорово. Это именно то, чего он хотел. По-настоящему хороший друг. Он раскрыл руки.

— Тебе лучше? Хочешь, я обниму тебя, чтобы ты смогла вытереть лицо о мою рубашку?

— Нет, я в порядке, — сказала она, и он скрыл разочарование. — Давай возьмём что-нибудь для Николь и уйдём отсюда, иначе мы опоздаем.

Джастин нашёл плюшевую кошку, очень похожую на Мокси и, хотя это была вовсе не настольная игра, решил, что Николь она понравится. Потом, по словам Клэр, он должен был выбрать открытку. И сумку для подарка. И банты.

К тому времени, когда они подъезжали к дому Смитов, Джастин был разбит. Всё, что он хотел, это бифштекс, пиво и игра на плоском экране. Что он получил, это полный дом людей, взвинченную маленькую именинницу с оравой раздраженных друзей, и Дебби Смит, которая сразу же заметила, что её дочь сняла обручальное кольцо.

Он прятался на кухне, притворяясь, что ищет бумажные стаканчики, когда вошла Миссис Смит.

— О, Джастин. А я думала, куда ты подевался.

— Ищу бумажные стаканчики.

— Прячешься. — Она засмеялась, когда он покраснел. — Спрячемся вместе. Когда Келли спросила меня, не могли бы они устроить вечеринку Ники здесь, потому что у меня больше места, я должна была спросить, сколько друзей она собирается пригласить. В два часа в пятницу днем!

— Вам следует заставить мистера Смита пригласить вас на ужин, когда все уйдут. Выпить стаканчик. Или два.

— Поверь мне, я попрошу официанта оставить всю бутылку.

Она подтянула табурет к кухонному бару и расположилась на нем.

— Как дела у Клэр?

Так как он знал, что она заметила отсутствие золотого кольца на пальце дочери, он не стал уклоняться от ответа.

— Я думаю, она слегка шатается сегодня, но она в порядке. Думаю, да.

Улыбка её была тёплой и искренней.

— Я не знаю, как она прошла бы через всё, если бы не ты. Дай бог каждому такого друга, как ты.

Он улыбнулся в ответ, надеясь, что не выдал боль, съедающую его изнутри, и поблагодарил свою счастливую звезду, когда одна из мам влетела в кухню в поисках рулона бумажных полотенец.

Её теперь уже трёхлетняя племянница была одной из тех, кого Клэр любила больше всех на свете, но она хотела убежать от всего.

Сильно.

Глядя на сестру, Келли, и на зятя, как они суетятся со своей дочкой и её маленькими друзьями, она вспоминала, что они с Бренданом собирались завести малыша, как только оформят свой новый дом. Она всё время пыталась коснуться обручального кольца, но находила лишь голую кожу. И Джастина нигде не было видно. Не самое большое веселье, которое выпадало ей на вечеринке.

— Боже мой, ты сняла кольцо!

Клэр свернула левую кисть внутри правой и проклинала себя за то, что выбрала именно этот день для такого шага.

— Ну, Келли, уверена, что и соседи тебя слышат.

— Извини, — сестра шлепнулась на диван рядом с ней. — Итак, значит ли это, что ты подумываешь снова о свиданиях?

— Нет.

Как только она это сказала, из кухни появился Джастин, и она наблюдала за тем, как он оглядывал комнату, пока его взгляд не нашёл ее. Он улыбнулся, а она закатила глаза.

— Что он думает об этом? — спросила Келли.

— Он просто хочет, чтобы я была счастлива... и всё такое.

Клэр улыбнулась, вспомнив его неуклюжесть в магазине игрушек.

— Я уверена, так и есть.

Она повернулась, чтобы посмотреть на сестру.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего.

И совершенно невинное выражение лица, которое Келли делала так хорошо.

— Эй, Джей-Джей, осторожно с этим... дерьмо.

Толпа взрослых сошлась над разбитой вазой, прогнав малышей от битого стекла, и Клэр засмеялась, когда Джастин скользнул на место, которое Келли оставила в спешке.

— Не то чтобы я не проводил классно время, но сколько ещё нам здесь быть?

— Может быть, минут десять. После того, как они уберут беспорядок, но до того, как кто-нибудь из детей наделает следующий.

Прошло около сорока минут, прежде чем они смогли украдкой попрощаться и сбежать.

Оба пристегнули свои ремни безопасности со вздохом облегчения, а затем Джастин съехал с дороги и повернул направо.

Клэр закрыла глаза и пыталась убедить себя, что в этом нет ничего страшного. Поворот направо вёл к проселочной дороге, которая вела к "Dunkin' Donuts", где Джастин мог бы выпить кофе. Потом та проселочная дорога вела к дороге побольше, она вела к дому. Дорога, которая шла направо, вела мимо дома, на который она терпеть не могла смотреть.

Она тогда была так взволнована подписанием бумаг на дом их мечты, что в день закрытия позвонила Брендану три раза за полчаса. Чтобы спросить, выехал ли он. Чтобы сказать ему, чтоб он поторопился.

Он смеялся над ней и говорил, что она ведет себя хуже, чем маленькая девочка в Рождественское утро. Потом он сказал, что любит её и что не опоздает.

Полиция сказала, что именно скорость была причиной аварии, перевернувшей Камри Брендана... и жизнь Клэр. На дорогах было скользко, а он ехал слишком быстро для таких условий. Потому что любил её и обещал, что не опоздает.

Она ушла из дома. Ушла от всего и всех, так как она погрузилась в черную яму отчаяния и вины, от которых не могла освободиться.

Именно Джастин взял её за руку и не дал ей утонуть. Джастин, который отказался принять, что это она виновата в том, что Брендан погиб. И который мыл её лицо холодной тряпкой, когда она плакала так сильно, что её рвало.

Он говорил ей снова и снова, что это был несчастный случай, пока она, наконец, не начала верить в себя. И он не оставлял её до тех пор, пока она не согласилась вытащить себя из квартиры и пойти с ним на "лечение чизбургерами".

Пережив те тёмные дни, они стали ещё ближе, наилучшими друзьями, чем когда-либо были, и не проходило ни дня, чтобы она не благодарила за то, что в её жизни есть Джастин. И она была достаточно благодарна сегодня, решив не мешать ему, если он хочет кофе.

Она почувствовала, как грузовик съехал с дороги, и открыла глаза в момент, когда он рывком повернул руль и, сделав разворот, вернулся на дорогу.

— Что ты делаешь?

— Из-за всей этой ребятни я не успел отлить перед отъездом, а я никогда это не сделаю в "Dunkin' Donuts". Я остановлюсь на заправке выше по улице, заодно и кофе попью, прежде чем выехать на автостраду.

Он вспомнил, и теперь он врал. Она подумала, что стоило сказать ему, что всё было в порядке, это просто дом. Но на сегодня ей хватало испытаний, и она позволила ему делать по-своему.

Когда пришло бы время, и она искала бы другого мужчину, она надеялась, что смогла бы найти такого же хорошего, как Джастин. Только, чтоб он не был лучшим другом.

Глава 3

Через открытые двери гаража входила утренняя прохлада, и выходил выхлопной газ четырехтактного двигателя из выхлопной трубы, когда Джастин урчал мотором своего снегохода, прогревая его, чтобы перевезти его к прицепу для ездового сезона.

Когда он сможет улучшить свободный день, всё, что ему нужно будет сделать, это прицепить крюк с прицепа к грузовику и отвезти его к старту.

Погрузив свой двигатель, он снял чехол с саней в дальнем углу гаража. Они не поместились бы на прицепе, а регистрационный стикер был давно просрочен, но Джастин всё же установил дроссель и включил зажигание.

Это были сани Брендана, и он не мог заставить себя продать их, но он не мог также забросить их, чтоб они пылились. Поэтому он хранил их в чехле, проводил техобслуживание, в котором на самом деле не было необходимости, и время от времени запускал двигатель. Сейчас, слушая гордость и радость своего друга, он спросил себя, не пора ли с ними расстаться. Если Клэр смогла снять обручальное кольцо, он сможет передать сани новому хозяину.

Он должен был поговорить об этом с ней. Технически, она была их владельцем. Но она не интересовалась снегоходами и, так как при её квартире не было гаража, она попросила Джастина поддержать их там. Что он и делал.

В кармане завибрировал телефон, и он заглушил двигатель снегохода. Он был рад отвлечься сейчас. Он улыбнулся, увидев имя на экране, и открыл телефон.

— Привет, мам.

— Здравствуй, дорогой. Ты занят?

— Для тебя я всегда свободен. Ты где?

— Я не знаю. Дэл, мы где? — Джастин услышал низкое рокотание отцовского голоса. — Он говорит, мы примерно в четырёх часах от Брэнсона, штат Миссури. Мы собираемся провести несколько дней там и двинуть в Техас.

— Вы, ребята, даже не любите кантри, — сказал он, прикрепляя красную чертежную кнопку в Брэнсоне на огромной карте, что висела на стене гаража. Затем он взял остроконечный маркер и вписал дату.

— Я знаю, но твой отец слышал, что здесь есть музей Рипли "Хотите верить, хотите нет", и мы поехали.

Это был их девиз - "Пора двигаться", с тех пор как они продали дом Джастину, купили жилой автофургон и смотались полтора года назад. После десятилетий напряженной работы и накопления хлама они решили стать королями дворовых распродаж, раздали всё, что осталось, и стали кочевниками.

В то время Джастин жил в квартире с парнем, который ему не нравился, и квартира была так мала, что большая часть его вещей всё ещё оставалась у родителей. Так как, похоже, он не собирался найти жену или создавать семью, купить дом, в котором он вырос, казалось хорошей идеей. К тому же, они хорошо уступили.

— Как Клэр? — спросила мать, когда он проходил по комнате при входе в дом, соединяющим гараж с кухней.

— У неё всё хорошо. Скоро возьму её, и поедем купить ей ёлку к Рождеству.

— Передай от нас ей лучшие пожелания, как обычно. Что ещё интересного? Дом в порядке?

— Всё в порядке, мам. Не могу припомнить, чтобы что-то могло измениться с того времени, как я разговаривал с тобой в прошлый раз.

За исключением того, что палец Клэр снова без кольца, конечно, но он старался убедить себя, что это ничего не значило, и потому говорить об этом не стоило.

— Отец подъезжает к заправочной станции, а ты знаешь, какой он. Он заставляет меня отключать телефон, пока он заправляется, даже когда я остаюсь в фургоне.

— Доверяй, но проверяй. — Он закатил глаза, радуясь, что она не видит этого. — Передай привет отцу и скажи, что я люблю вас обоих.

— Мы тоже любим тебя, дорогой. Скоро перезвоню тебе.

Окончив разговор, он опустил пару кусочков хлеба в тостер, потом намазал тост арахисовым маслом. Ему нужен протеин, чтобы выжить в походе за ёлкой с Клэр. Её вкус в украшениях соответствовал лучшим домам и садам. А вот бюджет и квартира нет.

Если он в чём и был уверен, так это в том, что первое дерево, которое она захочет купить, будет, по меньшей мере, в восемь футов ростом.

Клэр посмотрела на ёлку Дугласов и влюбилась с первого взгляда.

— Вот моя рождественская ёлка.

— Нет. — Джастин подтолкнул её, но она приросла к месту. — Идём?

— Что не так с этой ёлкой?

— Она слишком большая.

— Нет такого понятия, как «слишком большая», для рождественской ёлки.

Он уставился на ель, потом покачал головой.

— Даже если срезать верхушку, это, по меньшей мере, восьмифутовое дерево.

— У меня восьмифутовый потолок. — Она сложила руки, решив настоять на своём, но он посмеялся над ней.

— У тебя скошенные потолки. Единственное место, где есть восемь футов, в самом центре гостиной.

— Значит, поставлю её там.

— А когда ты позвонишь мне, потому что не сможешь привязать её, и Мокси свалит её, свисая с веток, я буду смеяться, прежде чем повешу трубку.

— Но...

— Продолжай топать, Рутледж.

— Может быть, я смогла бы привязать её...

— Нет, ты не сможешь привязать её к обшивке.

— Гринч¹, — пробормотала Клэр. Бросив прощальный, скорбный взгляд на ёлку своей мечты, она пошла дальше.

За пятнадцать минут он наложил вето ещё на несколько ёлок, и праздничное настроение Клэр пробуксовывало, как тридцатилетняя трансмиссия.

— Чем тебя не устраивает эта?

— Когда ты тронула её, половина иголок осыпалась. Её, должно быть, срубили намного раньше, поэтому она не простоит долго, и кончится тем, что твои гирлянды будут висеть на голых ветках.

Она щелкнула одну из ветвей и смотрела, как иглы бесшумно посыпались на землю, ненавидя, когда он оказался прав.

— Моя подруга Пенни спрашивала о тебе.

— Мне не интересно.

Это было совсем не в ее правилах, но то, как он категорически выражал свой отказ, ей просто захотелось ткнуть его за это, хоть немного. Кроме того, если бы он обратил внимание на ее подругу, возможно, ее бы прекратили одолевать столь эротичные мысли о нем.

— Ты мог бы пригласить ее на Рождественскую вечеринку к Кэлу сегодня. Пусть и в последнюю минуту, но это будет неожиданно.

— К Кэлу со мной идешь ты. Как всегда.

А потом он, как всегда, заваливался на её диван. Проблема была в том, что она не всегда видела горячие, жаркие сны о нём. Она не всегда ворочалась и носилась, думая о нем, как о чем-то большем.

— В любом случае, — продолжала она, — я ей сказала, что я слишком люблю ее, и не стану способствовать тому, чтобы она попала в твои сети.

Он повернулся и хмуро посмотрел на неё:

— И что это должно значить?

¹ Гринч — издавать неприятный звук.

— Я люблю Пенни. Почему я должна способствовать тому, чтобы ее заполучил парень, который погуляет с ней пару раз и потом бросит?

— Почему ты думаешь, что я так сделаю?

— Ты всегда так делаешь.

— Как ты можешь говорить такие гадости.

— Это правда, и ты это знаешь.

Он повернулся к ней спиной, потом подошёл к стойке с четырехфутовыми деревьями, глядя на которые, она вздохнула. Она знала, что он практичный, он и поступал практично, но эти ели не украсят собой страницы журналов в ближайшее время.

— Вот эта хорошая.

Чего ей не хватало в высоте, ёлка восполняла пышными, симметричными ветками и иголками, которые не сыпались, когда она дышала на них.

— По крайней мере, мне не нужна будет стремянка, чтобы закрепить звезду на верхушке.

— Вот, это правильно, молодец.

Попросив продавца завернуть ёлку в сетку, Клэр и Джастин протолкались через толпу к кассе в задней части аукциона. К стопке деревянных ящиков, выступающих в качестве импровизированной подставки для кассы, были прикреплены веточки омелы, связанные с красной ниткой. Импульсивно, Клэр схватила одну и добавила её к своим покупкам.

— Это для чего? — сварливо спросил Джастин, когда она бросила сдачу в свой карман.

— Это омела.

— Я знаю, что это. Почему ты это купила?

— Потому что это рождественское украшение и потому что это весело. По этой же причине у тебя есть снежный шар с фото твоего снегохода.

— У меня есть снежный шар с фото моего снегохода, потому что ты подарила мне его в прошлое рождество. И я не целую девушку каждый раз, когда трясусь его, и снежинки летают. А ты собираешься кого-то целовать под омелой².

Это было верно, что означало, что ей действительно необходимо было поговорить с ее подсознанием. Первые сны о сексе и теперь предлог, чтобы поцеловать парня в своей квартире.

² Английский обычай целоваться на Рождество под веткой омелы, возможно, является отзвуком древнеримских сатурналий в день зимнего солнцестояния: в этот день разрешалось целовать даже совершенно незнакомых людей.

— Я думала, что это будет выглядеть мило. Хватит анализировать мою импульсивную покупку.

— Кого ты планируешь целовать?

— Мокси, — огрызнулась она, чтобы просто закрыть ему рот.

Они нашли свою завёрнутую ёлку, и она, показав чек продавцу, взяла за легкий край, аккуратно, чтобы не сломать верхушку, где будет красоваться звезда, а Джастин взялся за более тяжелый — низ, — и они потащили её к грузовику. Он, наверное, мог бы просто закинуть её на плечо и потащить её один, но Клэр нравилось хотя бы делать вид, что она помогает. Он снова взялся за тяжёлый край, чтобы затащить ель по лестнице в её квартиру, и потом помог ей установить ее на подставке, которая уже была наготове.

Когда он начал привязывать ёлку к стене, что было необходимо, благодаря тому, что ёлки пробуждали в Мокси внутреннего котёнка, а Клэр пошла на кухню отмыть смолу с рук. К сожалению, кухня была больше, по площади, чем сама комната, что означало, что она могла видеть его, стоя у раковины.

Работа по закреплению дерева требовала, чтобы он наклонялся и тянулся, и наклоны и потягивания постоянно задирали его рубашку, и она удивилась, почему она никогда не замечала, как невероятно сексуален был низ его спины.

И теперь, присмотревшись, она увидела, что в нём сексуальной была не только обнаженная полоска кожи. Но и то, как на нем сидели его голубые джинсы. То, как двигались под футболкой его широкие плечи. То, как курчавились его волосы у основания шеи, потому что ему пора было постричься. И когда он повернулся и улыбнулся ей, она пошла вперед и в уме отметила это в первой строчке списка.

— Теперь, чтобы свалить эту бандуру, Мокси потребуется бензопила.

Она старалась, как правило, никогда не сравнивать Брендана и Джастина, кроме как из естественного любопытства, как два таких противоположных человека были лучшими друзьями в течение почти всей своей жизни.

Джастин носил джинсы и полинявшие футболки, как правило, с дырой в задней части воротника, где иногда торчали бирки, потому что вместо того, чтобы захватить край, он снимал футболки, захватывая заднюю часть шеи, собирал ткань и перетаскивал через голову. Если ей нужно было что-то отремонтировать, Джастин загружал сломанную вещь в грузовик, потом неожиданно появлялся и привозил её отремонтированной в обмен на еду и весь чай со льдом, который она могла налить. Ему нравилась музыка в стиле кантри и он любил смотреть кино дома, где он мог расстегнуть пуговицу на джинсах и положить ноги на кофейный столик.

Брендан носил хаки и рубашки на пуговицах. Он слушал классический рок и любил ходить в кинотеатр и смотреть фильмы так, как того хотели режиссёры. Если нужно было что-то отремонтировать, он звал кого-нибудь это исправить, выписывал чек и потом вел Клэр куда-нибудь в город, чтобы ремонт не беспокоил её.

Такие разные парни с неразрывными узлами. И они оба значили для неё всё.

— Ты хочешь, чтобы я повесил эту омелу?

— Нет, спасибо. Я повешу её куда-нибудь позже.

Если он повесит её, закончится тем, что он встанет под неё и она не удержится от соблазна поцеловать его.

— Это та часть, где ты предлагаешь мне поесть, — напомнил он ей.

— Мы будем на вечеринке у Кэла через несколько часов и там всегда накрыты столы.

— Ключевые слова здесь "через несколько часов".

Она закатила глаза и открыла холодильник.

— У меня еды не много. Не было желания идти в магазин за продуктами. Колбаса. Остатки куриной грудки. Она была суховата с самого начала, так что не думаю, что микроволновка поможет. Я могла бы тонко нарезать её. Сделать сэндвич с большим количеством майонеза.

— У тебя есть шоколадный пудинг?

Его голос раздался так близко к её уху, что она подпрыгнула.

Он стоял за ней, заглядывая через её плечо. Одной рукой держась за открытую дверь, другой опираясь на сам холодильник, она была в плену его тела, и осознание этого вспыхнуло в ней, как лесной пожар в августе.

Это, должно быть, тот глупый сон, сказала она себе. Теперь, когда она знала, что её тело снова хочет секса, она выдумывала желание там, где его не было. Она не испытывала его к Джастину.

Он подвинулся ближе, стараясь посмотреть из-за неё, и когда его бедро коснулось её, потребовалась каждая унция её самообладания, чтобы не отреагировать. Окей, может быть, она что-то чувствовала к Джастину. Но это пройдёт.

Так как он ничего не понял, ситуация не станет странной, и, в конце концов, её тело найдёт кого-то другого для того, чтобы вздыхать.

Она надеялась.

— Следующий поворот направо, — сказал Джастин водителю такси, который включил сигнал поворота и притормозил. Потом он отправил пуш-сообщение Клэр, что они прибыли.

Никто из них не был любителем выпить, но выпивка лилась рекой на рождественских вечеринках Кэла, и Джастин выпьет по меньшей мере пару пива, а Клэр какой-нибудь искристый фруктовый напиток.

До аварии с Бренданом он, может быть, и рискнул бы сесть за руль, убеждая себя, что два пива это пустяк. Но, пусть даже не алкоголь стал причиной аварии, именно Джастин был на опознании и забирал личные вещи из покорёженных остатков, в которые превратилась машина Брендана. С тех пор он делал всё, чтобы его семье не пришлось повторять с ним то же самое.

Когда такси было в Парке, Джастин вышел и обошел вокруг, чтобы открыть дверь для Клэр, как раз в то время, чтобы увидеть, как она осторожно спускается по лестнице на высоких красных каблуках, которых он не видел раньше.

И, чёрт подери, её ноги. Он и раньше видел её ноги. В шортах и шлёпанцах. Черт, он даже видел их на пляже раз или два, когда на ней ничего не было, кроме скромного цельного купальника.

Но сегодня вечером они выглядели абсолютно иначе. Он никогда не видел её ноги такими длинными, прямыми и бесконечными, от короткой чёрной юбки до этих красных каблуков. Они мгновенно сведут любого горячего мужчину с ума только потому, что они в красных туфлях на высоком каблуке.

— Ты в порядке? — спросила она, и он очнулся. До него дошло, что эти изумительные ноги подошли к нему и остановились.

— Тебе не холодно? — спросил он, думая, что, может быть, забота о её здоровье звучала бы разумным оправданием тому, что он уставился на её ноги.

Она помедлила, будто собираясь что-то сказать, но передумала. Потом покачала головой:

— Вовсе нет.

— На вечеринках Кэла дресс-код повседневный.

— Поэтому мне и захотелось немного принарядиться.

Её волосы были собраны наверх каким-то блестящим красным зажимом, а макияж был таким, что его взгляд постоянно перебегал от ее великолепных глаз ко рту, который так и умолял, чтобы его поцеловали.

Когда она прошла мимо, чтобы сесть в такси, а он закрыл её дверь, он думал об этих губах, и этих ногах, и об этих туфлях, и выругался про себя, тихо, но очень серьёзно. Она выглядела как женщина, которая надеется найти мужчину.

И что, чёрт побери, ему делать, если она найдёт? Он не был уверен, что в нем достаточно силы воли смотреть, как она уходит с другим.

Особенно, когда он был в такси, и эти ноги были в поле его зрения. Как бы там ни было, юбка не была непристойной, но она задралась, и когда она передвигалась на своём сидении, ему на секунду открылся до боли восхитительный вид её гладкого, незагорелого бедра. Он отвернулся, чтобы смотреть в окно, и был рад, что до ресторанчика, где проходит вечеринка, всего десять минут езды.

Кэл Ридинг был строителем, который специализировался на строительстве дорогих домов на заказ для людей с очень большим деньгами, и каждый год закатывал на Рождество крутую вечеринку. Джастин получил своё приглашение благодаря тому, что иногда подменял кровельщиков фирмы, когда они работали на больших заказах. Клэр работала со многими поставщиками оборудования, и Кэл ценил то, как хорошо она управлялась с его бухгалтерией.

Оба они знали почти всех в большом банкетном зале, поэтому они скоро разделились, каждый со своим напитком в руке. Только когда он услышал её смех, перекрывающий толпу и музыку, только тогда он осознал, что мужчин в зале больше, чем женщин. Намного больше. И слишком многие из них пришли без женщин, с которыми уйдут потом.

Не удивительно, что Клэр была буквально окружена. Ладно, может, не совсем окружена, но там было несколько парней, которые, казалось, вращались вокруг неё, как лунные модули в ожидании открытия площадки для прилунения.

И мерцающая ниспадающая красная блузка, что подходила к её туфлям и обнимала её изгибы, мало помогала.

— Привет, Джастин. — Женщина скользнула к нему у стойки бара, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, кто она. Она руководила отделом поставки в местном магазине стройматериалов и, кажется, её зовут Джен. Обычно на её рабочем жилете был прикреплён бейджик с именем, но сегодня вечером её тёмные волосы были начёсаны и сбрызнуты лаком до того предела, что в сочетании с V-образным вырезом её блузки, он казался более обнажённым, чем ему следовало бы.

— Привет. Как дела?

— Неплохо. Хотя вот, пусто.

Она поставила пустой стакан на стойку и помахала бармену.

— Следующий за мой счёт, — сказал Джастин, потому что не был уверен, подцепила ли она его для того, чтобы он купил ей выпить, или нет, но вероятнее всего, так и было. Этот шаг казался вежливым, к тому же она всегда была внимательна к нему в магазине, поэтому он вытащил бумажник.

Джен улыбалась ему над краем рома с колой, когда ему с опозданием пришло в голову, что она может искать себе компанию не только на вечер, поэтому он осмотрел комнату, пока не увидел снова Клэр.

В этот раз она не смеялась над тем, что сказал один из её прилипчивых спутников. Она смотрела на него. Или, скорее, она смотрела на Джен. И она выглядела раздосадованной, что не было на неё похоже. Потом высокий паяльщик, который когда-то облажался на одной из крыш Джастина с плохой вентиляционной работой, подошёл и подал ей стакан с чем-то красным, и она улыбнулась ему.

— Я думаю, нужно сначала претендовать на девушку, прежде чем можно будет выбить дерьмо из парня, который за ней приударил, — сказала Джен и он сердито посмотрел на неё, отчего она засмеялась.

— И не пытайся это отрицать. Ты выглядел так, будто мысленно срывал ему голову с плеч.

— Он изрубил крышу, которую я как-то делал.

— А потом он купил выпить девушке, с которой ты пришёл.

— Мы всего лишь друзья.

— Конечно. О, я вижу кое-кого, с кем нужно поболтать. Спасибо за коктейль.

— Без проблем. Ещё увидимся, — он отхлебнул пива и оглянулся вокруг, ища кого-то... кого угодно, кроме Клэр, чтобы поболтать, и заметил несколько парней, стоящих в углу и обсуждающих какой-то вздор.

По пути он краем глаза увидел Клэр. Она всё ещё болтала с тем идиотом-паяльщиком, но смотрела на Джастина, и выражение её лица было очень похоже на выражение Джен до того, как та поняла, что она его не интересуется, но он сказал себе, что это лишь его воображение.

Просто друзья. Они были всего лишь друзьями.

Глава 4

Клэр потягивала свою клюквенную Маргариту, приятную и мощную смесь текилы, апельсинового ликера, сока клюквы и лайма, и наблюдала за Джастином из-за своего стакана. Она уже не была трезвой, но и пьяной тоже не была. Она уловила тот приятный момент опьянения, где она могла рассматривать задницу мужчины, и не чувствовать себя странно при этом.

И что это был за зад. Каждая женщина в зале отметила его, даже те, кому приходилось это скрывать, потому что они пришли на вечеринку не одни.

Клэр пришла не одна. И уходить одна она тоже не собиралась. Горячий зад в тугих джинсах пойдёт с ней, поскольку Джастин намеревался завалиться на её диван, как он всегда делал раньше.

Разгорячённая, покрасневшая и балдеющая в мягком алкогольном зареве, она наблюдала, как Джастин смеётся над чем-то, что сказал один из парней, и думала о том, как через несколько часов он растянется на её диване в своих тренировочных брюках и футболке Bruins, которая всегда задирается и выставляет на показ его пресс. Гормоны и Маргарита зажгли огонь в её чреве, и потому она видела его уже распростёртым на своей кровати, без трико и без футболки.

Как раз в этот момент он обернулся и увидел, что она не сводит с него глаз. Или пожирает его глазами, в зависимости от обстоятельств. Судя по тому, как поднялись его брови и лёгкий румянец пополз с шеи вверх, ни разу в жизни она не смотрела на него так.

Не отрывая от неё взгляда, он сделал долгий глоток пива, и она поняла, что и он тоже смотрит на неё так, как никогда не смотрел до этого. Горячо. Голодно. Так смотрит мужчина на женщину, когда оценивает свои шансы лечь с ней в постель, и эти шансы высоки.

Она подала ему знак сворачиваться, и он улыбнулся ей над бутылкой. Он закончил разговор и вытащил телефон, чтобы вызвать такси. И пока он приближался к ней, прощаясь направо и налево, она старалась не думать о факте, что они едут домой вместе.

Что они уже делали раньше, конечно. Довольно часто. Но не после обмена обжигающими взглядами поверх своих напитков.

Большую часть разговора в пути вёл он, рассказывая о забавном случае, когда строитель случайно закрыл гипсокартоном чихуа-хуа домовладельца в стене, но она едва слушала. А когда добрались до дома, она в оцепенении открыла замок и взяла на руки Мокси, которая вышла её встречать. Не в алкогольном оцепенении, а в оцепенении,

вызванном неоспоримым теперь фактом, что она действительно, действительно хочет секса. С Джастином.

Когда Мокси стала извиваться в её руках, Клэр отпустила её на пол, и ей ничего больше не оставалось делать, как только стоять посреди комнаты и смотреть на Джастина. Который смотрел на неё.

Он покачал головой, хотя она ничего не сказала вслух.

— Тебе лучше лечь в постель.

О, именно этого она и хотела. Вопрос в том, пойдёт ли она одна. Сна не будет. Не будет пригрезившихся образов его рук на ней, утопающих в её волосах, пока её тело трепещет в ожидании его прикосновения. Она хотела чувствовать его на себе. Не мимолетные ночные грезы, а жаркого, твёрдого и реального.

— Господи, Клэр, перестань смотреть на меня так, — сказал он низким, грубым голосом. Клэр хотела, чтобы таким голосом он говорил ей на ухо неприличные вещи.

— Я выпила немного лишнего.

— И я тоже, вот поэтому ты должна перестать смотреть на меня так и пойти спать.

— Или... — Она замолчала, чтобы прикусить зубами нижнюю губу, что было скорее нервной привычкой, чем намеренно сексуальный жест, но она увидела, как его челюсти напряглись.

— Никаких или. Иди отоспись.

— Но ты стоишь под омелой.

Почти. Достаточно близко, так или иначе.

— Ты мне сказала, это всего лишь украшение. Иди. В. Кровать.

Она не думала, она действовала. Встав на цыпочки, она прижала свой рот ко рту Джастина.

Его тело застыло, а губы не поддавались её губам. Бабочки восхитительного предвкушения превратились в камни, которые свинцовыми гирями упали в её животе, когда она поняла, что она сделала.

Она отодвинулась, отвернувшись, чтобы ей не пришлось смотреть ему в лицо, в то время как отчаянно выискивала слова, чтобы исправить то, что она сделала — слова, которые могли бы спасти самые важные в её жизни отношения.

Джастин грубо выругался про себя, а она ахнула, когда он развернул её лицом к себе. Прежде чем она успела прочитать его выражение, он скользнул рукой за шею и притянул её к своему телу.

Его поцелуй был жесткий и грубый, и она сдалась ему полностью. Когда она обвила его шею руками, он тихо простонал, и она знала, что в постель она ляжет не одна.

Но потом, внезапно, он прервал поцелуй и попытался отступить назад.

— Боже, Клэр. Иди спать, пока мы не сделали то, о чём ты утром пожалеешь.

Вместо этого она придвинулась ближе и прижала ладони к его животу, потому что она знала, что он не думает, что будет сожалеть об этом утром. Его пресс напрягся, он глубоко вдохнул, а она заскользила руками к его бёдрам. Пока он стоял без движения, с руками, сжатыми в кулак и примерзшими по швам, она подобрала край его рубашки и пробралась пальцами под неё. Она хотела ощущать его кожу.

— Клэр.

Она не обратила внимания, так как была занята исследованием его твёрдой широкой груди, но он схватил её запястья через ткань футболки.

— Клэр, послушай меня.

— Я не хочу.

— Потому что ты знаешь, что я хочу сказать.

Он мог бы схватить её запястья, но она все еще скользила пальцами по его коже.

— Ты хочешь сказать, что тебя не тянет ко мне?

— О... Нет.

Его сердце колотилось под ее пальцами, и его ускоренный пульс придавал ей смелости.

— Ты хочешь сказать, что ты не хочешь любить меня?

— Я хочу любить тебя, но...

Она поцеловала его снова до того, как он смог закончить. Он уже сказал всё, что ей нужно было услышать. Прошло несколько длинных, казалось бы, бесконечных секунд, прежде чем его губы разжались под ее губами, и он сдался поцелую.

Им удалось добраться до спальни раньше, чем они остались без одежды, но это не было достаточно быстро для Клэр. Это было такое долгое время, она так хотела его, и, увидев, как он стягивает свои боксеры, она расстегнула свой лифчик, от чего все стало ещё хуже.

— Ты такая красивая, — сказал он, подобрав Мокси с кровати и спустив её на пол. Мокси презрительно мяукнула и вышла из комнаты, задрав хвост.

Клэр хотела закрыть дверь, чтобы она больше не вошла, но Джастин взял её за руку и потянул на кровать, и она забыла о кошке.

Он наслаждался, приступая к делу, поглаживая каждую часть ее тела, которая жаждала его ласки, и останавливаясь, чтобы целовать её так, как будто она была кислородом, который был нужен ему, чтобы дышать, и ему не хватало воздуха.

Она, наверное, видела его без рубашки сотни раз, когда он поднимался по лестнице со связкой кровельной дранки через плечо, но трогать было несравненно лучше, чем смотреть, и она касалась и касалась его.

Его мускулы были твёрдыми под её пальцами, кожа была тёплой и... Боже, как ей этого не хватало.

— Я надеюсь, ты готова, Клэр, потому что ты такая горячая, и я бы смотрел на тебя всю ночь, но я больше не могу.

Она улыбнулась отчаянию в его глазах и приподняла голову, чтобы поцеловать его, прикусив его нижнюю губу, прежде чем отпустить.

— Я более чем готова.

Она слышала хруст обертки презерватива, когда он сел на пятки, а она закрыла глаза, потянувшись, как кошка на солнечном подоконнике. Ей не было так хорошо долгое время, и она наслаждалась свободным, томным ощущением в ее мышцах. Она могла бы привыкнуть к нему снова.

Она вздрогнула, когда Джастин взял в рот её сосок, и, открыв глаза, увидела, как он улыбается ей сверху. Она провела пятками по его икрам, позволяя ему лечь между её бедёр. Она ахнула, когда он медленно вошёл в неё, приподнимая её бедра, глубоко погружаясь.

Она пробегала руками по его плечам и спине, чувствуя мелкие капельки пота, покрывающие его мускулы.

— Джастин...

— Боже, ты удивительная.

Она хотела сказать больше — что-то о том, какой он тоже чертовски удивительный, — но он ускорил темп, и она не могла дышать, и все, что она могла сделать, это пытаться не кричать его имя.

Наступил оргазм, и, может быть, она кричала тогда. Она не знала. Не имело значения. Всё, что она знала, это что её тело кричало «да, да, да», как Мег Райан в том фильме, и она не хотела, чтоб это кончалось.

Когда это кончилось, он рухнул на неё, тяжело дыша ей в шею, Она вдохнула полной грудью и задержала дыхание на несколько секунд, прежде чем выдохнуть. О, да, она хотела этого. Нуждалась в этом.

И когда он быстро сходил в ванную и вернулся, чтобы обвиться вокруг неё — после борьбы с Мокси за подушку, так как она сочла безопасным вернуться в спальню — она погрузилась в сон с глупой улыбкой на лице.

Джастин лежал с открытыми глазами достаточно долго, чтобы понять, где находится, и сосредоточился на пустой подушке рядом с ним, потом снова закрыл глаза. Дерьмо. Он был в постели Клэр.

Постели Брендана.

— Сукин сын, — заматерился он, когда воспоминания о прошлой ночи пролетали в его сознании как порнографическое слайд-шоу. Это было более чем изумительно, и он хотел это повторить. Как можно скорее. Можно было бы прямо сейчас, хотя по аппетитным ароматам, плывающим в спальню, было понятно, что она уже на ногах и готовит завтрак.

Перекатившись на спину, он вытянул руки вверх над головой и снова открыл глаза. Он бывал в её спальне раньше, и, вспомнив это, он понял, что технически он не провел ночь в постели Брендана. Через несколько месяцев после аварии Клэр избавилась от их кровати королевских размеров и заменила её на двойную. Когда он пришёл помочь ей установить её, она объяснила, что хочет больше свободного пространства в комнате. С его точки зрения, разница не стоила усилий, и он подозревал, что ей просто необходимо было избавиться от кровати, на которой они когда-то спали вместе.

Он дернулся в сторону и чуть не упал с кровати, когда что-то пушистое коснулось его подмышки.

— Господи, Мокси! Ты бы хоть мяукнула, что ли, прежде чем так делать.

Кошка потёрлась головой о его подбородок несколько раз, потом спрыгнула с кровати. Когда она протискивалась через приоткрытую дверь, она открылась шире и выпустила аппетитный аромат хорошего, старомодного завтрака. С беконом.

Пахло хорошо, и он надеялся, что завтрак ещё не готов, чтобы подавать его на стол, потому что ему нужно было ещё несколько минут, прежде чем он сможет встретиться лицом к лицу с тем, что они сделали. Что он сделал.

— Десять минут! — крикнула она из кухни.

Ничего удивительного в том, что она знала о том, что он проснулся. Если бы в комнате был спящий человек, кошка бы не сдвинулась с места, спала бы рядом. Как только Мокси вышла из спальни, она узнала, что он проснулся.

Слава богу, ему удалось проскользнуть из спальни в ванную, не встретившись с ней взглядом, так как она была занята у плиты. Он побрился и принял душ, вытащил комплект чистого белья с "его" полки в её бельевом шкафу. Он довольно часто

заваливался спать на её диване, поэтому имело смысл держать кое-какие вещи здесь. Но диван был одноместный и они не могли хранить вещи в одном комоде. Это было бы странно.

Всё равно что спать вместе.

Он откладывал встречу с Клэр так долго, как мог, даже зубы чистил исключительно долго, но когда она постучала в дверь и сказала, что завтрак на столе, он закончил и глубоко вздохнул, прежде чем открыть дверь.

Внешне она не изменилась. Волосы, в которых он тонул лицом всего несколько часов назад, были собраны на макушке небрежным узлом. Она набросила футболку и спортивные штаны и на ногах были неуклюжие шлёпанцы с овчинными стельками, которые он купил ей на Рождество в прошлом году. Гараж внизу не отапливался, поэтому пол, как правило, был холодным. Он наблюдал за ней, пока она ставила на стол две чашки для кофе. Нет, она не изменилась с тех пор, как делала это в прошлый раз.

Но всё изменилось, потому что теперь он знал. Он знал, каково это, держать её. Он знал, каково это, чувствовать её тело под собой и чувствовать, как её длинные ноги обнимают его бедра. И он не знал, сможет ли он когда-нибудь чувствовать это снова.

А он уже хотел этого.

Так как всё уже было на столе, он сел и принялся есть. Они сожгли немало калорий, прежде чем заснули. Но, даже будучи голодным, он не настолько был увлечён завтраком, чтобы не заметить, что она избегает смотреть ему в глаза. Из своего опыта он знал, когда женщина, с которой ты провёл ночь, не смотрит тебе в глаза, она либо сильно сожалеет, либо разочарована тобой. Он слышал о таком.

— Я думаю, я должна поблагодарить тебя.

Вилка с жареной картошкой застыла на полпути ко рту. Странно было такое слышать.

— Поблагодарить меня за что?

— Ты знаешь... За прошлую ночь.

— Тогда я должен тоже поблагодарить тебя, потому что было взаимно удивительно. Я думаю. Я... надеюсь.

До этого он был уверен, что ей было так же хорошо, как и ему, но сейчас он сидел напротив женщины, которая не выглядела так, будто получила высшее наслаждение в постели.

— Да, было! — сказала она слишком быстро, на его взгляд. — Было правда удивительно. И именно поэтому я сказала тебе спасибо.

— Ладно. Тогда пожалуйста.

Он не мог избавиться от ощущения, что что-то упустил в этом разговоре.

— Это много значило для меня... прощупывать почву, так сказать, с парнем, которому я так доверяю.

Она набрала побольше воздуха в грудь и улыбнулась ему:

— Ты хороший друг.

О, чёрт, нет. Он был... что? Тест-драйв, чтобы убедиться, что все ее части были в рабочем состоянии, прежде чем она пойдёт на настоящее свидание?

— Скажи мне, что ты этого не говорила.

— Ты хороший друг. — Она выглядела смущенной. — Ты мой лучший друг.

— Если тебе нужен приятель, заведи себе золотистого ретривера, — пробормотал он и засунул жареную картошку в рот, чтобы замолчать.

Клэр с грохотом уронила вилку в тарелку.

— Я знала. Вот поэтому друзья и не должны заниматься сексом. Теперь всё будет запутанно.

— Нет, благодарить меня, как будто я сменил тебе шину и смазку, чтобы ты могла отправиться в путь, вот это всё запутает.

Он видел, как выражение её лица сменилось на сдержанное веселье. Он проговорил свои слова в уме ещё раз и застонал.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Сменить смазку не самый сексуальный эвфемизм, который я когда-либо слышала, — сказала она, еле сдерживаясь от смеха. — Но ты меня чертовски настроил.

Он засмеялся, потом покачал головой:

— Хитрая бестия.

С удовольствием, написанным на всём ее лице, Клэр вернулась к своему завтраку, так что он последовал примеру. Но, по мере того, как еда медленно исчезала, напряжение снова нарастало.

Довольно скоро ему будет пора уйти, а он не имел понятия, где они находятся. Может быть, она ждёт, когда он уйдёт? Или он должен остаться и провести день с ней? И, если он уйдет, поцелует он её на прощание?

Единственное, что он знал наверняка, это то, что он устроил в их отношениях чертовский беспорядок.

Он проглотил последний кусочек вегетарианского омлета, когда она тихо спросила:

— Я всё разрушила? Теперь всё будет запутанно?

— Ничего ты не разрушила. — За исключением, может быть, его, так как было в её голосе что-то, что напоминало сожаление.

— У меня никого не было после Брендана, — она не смотрела на него, гоняя гриб по тарелке. — Я просто хотела... Я просто... Я не должна была ставить тебя в такое положение.

— Оказалось, что это мое любимое положение.

Она наградила его смехом, но он был недолгим, и она снова стала серьезной.

— Я имею в виду вот что. Ты был лучшим другом Брендана. Ты мой лучший друг. Я не должна была набрасываться на тебя только потому, что мне немного одиноко ночью. Твоя дружба значит всё для меня, и я только надеюсь, что не разрушила её.

Он заставил себя посмотреть ей прямо в глаза.

— Наша дружба значит для меня больше, чем что бы там ни было, Клэр. Ты знаешь это. И я не должен был этого допустить. Ты была девушкой моего друга и это делает тебя неприкосновенной. Этого не должно больше случиться.

— Спишем это на алкоголь.

Врала она дерьмово, и они оба это знали. Он видывал её пьяной раньше. Вчера она была далеко не пьяной. И он тоже.

— Забудь, как будто ничего не было.

Забудь то, что прикипело к душе? Как бы не так. Он подозревал, что когда ему будет девяносто лет и он не сможет вспомнить, где он оставил свои зубы, он до тех пор будет помнить как тряслись её синие глаза, смотрящие на него, и его имя на её губах, когда он двигался в ней.

— Забыть, что это вообще случилось?

Она усмехнулась, и мир в основном снова был в порядке.

К тому времени, когда они помыли посуду после завтрака и всё убрали, неловкости между ними почти не осталось. Она без умолку болтала о Рождестве и покупках, о том, что она хотела купить для Николь теперь, когда она уже достаточно большая, чтобы получать удовольствие от праздника. Он говорил правильные слова в подходящее время, но его разум отказывался концентрироваться на этом, большей частью одностороннем, разговоре.

Он сумел создать колоссально напряженную ситуацию для себя на этот раз, и не было никакого выхода.

Если он уйдёт от неё, ей будет не только больно, но она, скорее всего, будет винить себя за то, что не пошла спать одна, когда он ей велел. Он не мог заставить себя

сделать это с ней. Но если желать её и не иметь возможности обладать ею раньше было тяжело, теперь это было бы совершенно пыткой. Теперь он знал без сомнения, чего себя лишал.

Он справился бы с этим ради Клэр. Даже если это и убило бы его.

Глава 5

Клэр ничего не делала, только по очереди осматривала ряд фотографий на полке и свирепо смотрела на глупую веточку омелы, когда появилась Пенни во вторник после обеда с табелями для расчета заработной платы. Она стояла на кухне, чтобы снять свои заснеженные боты и пальто, но когда она увидела Клэр, присмотрелась к ней внимательнее.

— Дрема удалила тебя из своего GPS навигатора, или что?

Всегда приятно узнать, что нехватка сна так явно отражается на лице.

— Примерно пара ночей, я думаю.

— Что-то погода портится, и снег ложится.

Что означало, что Джастин будет его чистить, а ей не позвонил. Может быть, потому, что знал, что у неё назначена встреча с Пенни. Или может быть, это было потому, что с воскресенья у него было больше времени подумать о ночи, которую они провели вместе, и он установил дистанцию между ними.

Она знала, что ничего не могла делать, только думать об этом. Почти всё время, когда нормальные люди спали. В это время она пыталась списать тот случай на воздержание, вышедшее из-под контроля под действием клюквенной Маргариты, но приходилось смотреть фактам в лицо. Подошёл бы не любой парень, умеющий обращаться с женским телом. Потребность, растущая снова и заставляющая её ворочаться по ночам, была определенно связана с Джастином.

— Я сегодня не могу остаться поболтать, — сказала Пенни. — Дантист. Но позвони позже, если хочешь поговорить. Ты выглядишь так, как будто тебе нужно дружеское плечо. Или выпить.

— Меньше всего мне нужно выпить.

Это привлекло внимание Пенни и она посмотрела на свои часы.

— У тебя три минуты, чтобы рассказать мне, что алкоголь заставил тебя сделать. И с кем.

Ей не нужны эти три минуты. Ей не нужны даже три секунды.

— На меня напала мигрень, вот и всё. И алкоголь не поможет.

Пенни, наверное, было бы обидно узнать, что Клэр ей врет, но она не думала, что Джастин хотел бы, чтобы их дела стали новой почвой для городских сплетен. И она этого хотела не больше него.

— Не обижайся, Клэр, но это смертельно скучно. Тебе нужно выйти и развеяться.
— Она всунула ноги в боты. — Как твоя мигрень сейчас?

— Лучше. Просто нужно поспать.

Она попыталась, после ухода Пенни. Свернувшись калачиком с Мокси на диване, Клэр пыталась подремать, но снежинки, падающие за окном, напоминали ей о Джастине. Потом она услышала, как большой казенный снегоочиститель проехал мимо, и заставила себя закрыть глаза.

Если город и штат чистят улицы, значит, и Джастин тоже, и она не могла заставить себя перестать думать, заедет ли он, чтобы перекусить или поспать часок. Или, может быть, составить ей компанию, если не соврал о том, что их дружба по-прежнему крепка.

Смеркалось, когда она проснулась от того, что Мокси когтями месила её толстовку, и было слышно, как кто-то рылся в её холодильнике. Некоторое время она просто лежала, привыкая к реальности. Потом Мокси спрыгнула на пол и отправилась выписывать восьмёрки вокруг ног Джастина, и она поняла, что всё пропало.

— Я остановился в том гастрономе, который тебе нравится, и купил пару индеек и ведро немецкого картофельного салата. У тебя горчица кончилась?

— Там есть новая в шкафчике, — она села и попробовала стереть затяжной сон с глаз.

— Тебе следовало позвонить. Я бы всё приготовила.

— Когда я об этом подумал, я уже почти был здесь.

Она ушла в ванную, а когда вернулась, он всё разложил на столе, так что ей оставалось только сесть к столу.

— Снег так и шёл весь день?

— Там метёт. Сейчас поем и проедем быстренько по клиентам, которым завтра нужно выехать или въехать до восьми утра, а уж потом отдохну.

Она кивнула и откусила от индюшиной ножки, вздрогнув, когда он полил горчицей свой картофельный салат.

Джастин застыл с полной вилкой у рта и посмотрел на неё:

— Поедешь кататься со мной вечером?

— Конечно.

Это было привычно и очень кстати. Даже ни намёка на безумное облегчение, которое она почувствовала при этом небольшом знаке, что они возвращаются к накатанной колее.

И это было хорошо, даже если в колее чуть больше выбоин, чем было раньше.

Всё, что ей нужно было делать, это притвориться, что она забыла о ночи, которую они провели вместе, и никогда не думала о том, какой удивительный и замечательный был секс между ними.

Если она будет лгать себе и ему достаточно долго, может быть, когда-нибудь это станет правдой.

Она так хорошо пахла. Даже когда Джастин попытался сосредоточиться на том, чтобы не задеть автомобиль миссис Уилсон, перемещая снегоочиститель, чтобы очистить от снега дорогу за ним, даже тогда он знал, как вкусно пахла Клэр.

Что, конечно, привело его прямо к мыслям о том, как хороша она на вкус, о чём он поклялся никогда больше не думать.

— Как прошёл день открытия? — спросила она, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы очистить голову и понять, что она говорит о снегоходах.

— Хорошо. Крис и я сделали около шестидесяти миль. Не много, но трассы только формируют, и для пробной поездки это хорошо.

Подъездная дорога миссис Уилсон была очищена, так что он поднял снегоочиститель и выехал на дорогу, чтобы направиться к следующему месту.

— Это хорошо.

Она смотрела в боковое окно, и ему было интересно, о чём она думала.

— Снегоход Брендана всё ещё в гараже?

Вот и ответ.

— Да.

— Я подумала, может, мне поучиться ездить на нём? Мы могли бы выезжать с тобой иногда.

Он засмеялся и толкнул ее в руку локтем.

— Ты? В лесу на морозе?

— Может быть, мне бы понравилось.

— Или, может быть, ты бы постоянно ныла.

Она отвернулась от окна, чтобы шлёпнуть его.

— Я не ною.

Когда он схватил ее за запястье, чтобы не дать ей ударить его, казалось, самой естественной вещью в мире было скользнуть рукой вниз и переплести свои пальцы с ее пальцами. Она не вырывалась, и он оставил их соединенные руки на сиденье между ними.

— Если ты действительно хочешь ездить, я научу тебя, — сказал он. — Но снегоход Брендана слишком большой для тебя. Если ты серьезно, я возьму его и обменяю на что-то более подходящее для тебя.

— Тебе не будет трудно? Я имею в виду, отпустить их.

Краем глаза он мог видеть, как она смотрит на его профиль, поэтому он пожал плечами, как будто это не было большим делом.

— Это всего лишь сани, Клэр. Я запускал их на днях и думал, что это чертовски обидно, что они просто стоят там.

— Ты любишь снегоходы больше всего на свете, — сказала она мягко. — Я бы с радостью делала это с тобой.

Он пожал её пальцы.

— Я позвоню в магазин и посмотрю, что они мне предложат.

Потом он отпустил её, потому что ему нужны были обе руки, чтобы ехать по грунтовой дороге, которая вела к дому Свенсонов. Город сделал хренову половину работы по очистке дороги, но они не трогали подъездные пути. Гарри Свенсон жил в последнем доме на дороге, изолировано от своих соседей. Он работал по ночам, поэтому он уже ушел. Джастин хотел сгрести снег с его дороги, чтобы тому было проще добираться домой.

Пока он работал, она снова стала смотреть в своё окно, что беспокоило его. Как правило, она болтала всю дорогу, пока он работал, до такой степени, что он иногда жалел, что взял ее, потому что её невозможно было заставить замолчать.

— О чём ты думаешь? — спросил он её, ставя грузовик в парк и выключая фары, чтобы он мог уделить ей всё своё внимание.

— Хочу снова поцеловать тебя, — сказала она в окно.

Он был удивлен, что окна не запотели от волны жара, который окатил его.

— Ты за или против?

— Я по-прежнему боюсь, что это надолго испортит нашу дружбу.

— Не хочу это говорить, но то, что происходит между нами всё это время, словно как держать большого слона с бивнями в комнате, радость не велика.

— И что ты собираешься с этим делать?

Что он должен был сделать, так это запустить двигатель, поставить ногу на газ и высадить её около её квартиры. Вместо этого он сбросил на пол хлам с сиденья и взял её за руку, чтобы перетащить её на свою сторону в грузовике.

— Что мы, по-твоему, должны с этим делать?

— Может быть, нам нужно... Избавиться от этого?

— Невозможно представить, что это когда-нибудь произойдёт.

— Мы могли бы просто решать по ходу дела.

Так как она уже скидывала ботинки, он понял, что ей понравилась идея.

— Нас могут увидеть?

— Нет.

В грузовике стало вдруг тепло, поэтому он протянул руку и убавил вентилятор до минимума. Ну и что, что окна запотеют? На самом деле, он на это надеялся.

Она целовала его, долго и медленно, в то время как их локти сталкивали вещи, потому что она пыталась выползти из своих джинсов, а он пытался достать презерватив из бумажника в заднем кармане его джинсов.

— Помедленнее, — прошептал он около её рта.

— Не могу. Не хочу. Ты нужен мне, Джастин.

Ему не пришлось говорить дважды. Когда он достал бумажник, он приподнял свои бёдра, чтобы стянуть джинсы, и натянул презерватив. Она накрыла его собой и окна запотели, как в сауне.

— Я думаю об этом с той самой ночи после вечеринки, — сказала она. Её дыхание напротив его щеки, она двигалась медленно, поглаживая его.

Он думал об этом гораздо дольше, но сейчас было не время для дискуссии. Сейчас, когда она вот так двигалась вверх и вниз, заставляя его забыть... всё, что не давало им делать это всё это проклятое время. Это будет длиться не долго, и потом он, наверное, вспомнит, но сейчас всё, что он знал, это ощущение её тела, её грудь в его руках, её рот напротив его.

Он чувствовал, что её тело напрягается, и хотел, чтобы она замедлилась, но она ускоряла темп, и он думал, что он взорвётся. Она вонзила ногти в его плечи, и со стоном он кончил.

Прошло несколько жарких, задыхающийся минут, прежде чем Клэр поцеловала его шею и слезла с него. Он не нашел ничего лучшего, как выудить из-под сиденья пустой пакет от пончиков, бросил туда презерватив и скомкал его.

Всё, что ему нужно было сделать, это просто подтянуть джинсы, но он дал ей несколько минут в туманном коконе кабины, чтобы подобрать большую часть её одежды, прежде чем включить дефростер, просто на случай, если кто-то смотрит. Она смеялась, когда наклонилась, чтобы найти ботинки, и он включил свет, чтобы помочь. Её левая рука оперлась на приборную панель и неожиданный вид белой кожи на том месте, где было обручальное кольцо, убил всякое желание смеяться вместе с ней.

Проклятье, он опять это сделал. И в этот раз он не чувствовал себя лучше из-за этого, чем в прошлый раз.

Клэр, наконец, выпрямилась и плюхнулась на своё сиденье, пристегнула ремень.

— Я действительно нуждалась в этом...

Он выключил верхний свет, радуясь внезапной темноте, которую нарушал только приглушенный свет приборной панели.

— Да, я тоже.

В этот раз она держала его за руку, и он начал путь назад к её дому, в голове творился сущий кавардак. Часть его была счастлива, и удовлетворена, и хотела свернуться калачиком в постели Клэр и заснуть.

Второй его части было противно. Он не только снова спал с женой своего друга, но и сделал это, зная, что этим снова поставил дружбу с ней в шаткое положение.

— Ты позвонишь в агенство насчёт саней Брендана? - спросила она через несколько миль. — Скоро? Я действительно хочу ездить с тобой.

Сильный удар горя поразил его в нутро при мысли о продаже саней, вместе со свежим порывом вины. Взять девушку Брендана. Избавиться от его снегохода. Это было слишком.

— Да. Я дам тебе знать, что они скажут.

Она больше ничего не сказала, и когда она отпустила его руку, чтобы нажать на кнопку пропуска на проигрывателе компакт-дисков, когда началась песня, которая ей не нравилась, он передвинул свою правую руку на руль. Она, кажется, не заметила. Просто начала подпевать следующей песне и указывать свои любимые рождественские огни, когда они проезжали мимо веселых нарядных домов.

Вцепившись в руль мертвой хваткой, он сосредоточился на дороге и боролся с желанием съехать с асфальта, чтобы он мог биться головой о руль. Он умудрился запороть все на этот раз, только на этот раз было еще хуже. Не только не было никакого алкоголя, на который можно было бы свалить вину, не зависимо от того, насколько неубедительным было бы такое объяснение, но она, похоже, не испытывала никаких сожалений. Он не мог дать ей повод думать, что у них что-то начинается.

Когда он, наконец, съехал на её подъездной путь, он поставил грузовик в парке, ломая себе голову над тем, как ему, черт возьми, выкарабкаться из всего этого. Он хотел просто уехать домой, врубить на полную мощность звук айпода и выбивать дерьмо из боксёрской груши, висящей в его подвале.

Клэр хмуро посмотрела вверх на своё окно, не обращая на него никакого внимания.

— Я знаю, я оставила свет на кухне включенным.

Но в квартире сейчас было темно, и это значило, что ему придётся подняться с ней. Он заглушил двигатель и протянул руку.

— Дай мне свои ключи.

Она шла за ним по пятам, когда он поднимался по лестнице и открывал дверь. Когда он щелкнул выключателем, свет в гостиной загорелся, и всё выглядело нетронутым.

Мокси обвилась вокруг его лодыжек, прежде чем перейти к Клэр, чтобы её подняли на ручки и погладили. Он заглянул в ее ванную комнату и спальню и не обнаружил, чтобы что-то было не на месте, поэтому он подтянул кухонный стул к раковине и поднялся вверх, чтобы снять лампочку над ней.

— Перегорела. У тебя есть другая?

— Над микроволновой печью. Подожди.

Он смотрел, как она спустила кошку и потянулась, чтобы достать коробку с лампочками. Она выглядела... счастливой. Спокойной. И она улыбнулась ему, когда он брал лампочку из её руки.

— Ты прямо мастер на все руки.

— Да.

Он тянул время, вкручивая новую лампочку и заменяя плафон, но это было только несколько минут перед тем, как настанет время отвечать за свой поступок.

Она сняла толстовку и свернулась калачиком на диване, положив на ноги Мокси для тепла. Она потянулась за пультом, остановилась и забавно посмотрела на него:

— Что не так?

— Мне надо уйти. Это была долгая ночь.

Счастливое сияние немного потускнело, но она по-прежнему улыбалась.

— Почему бы тебе просто не остаться здесь? Тебе нет смысла ехать домой, когда ты должен выехать рано утром, чтобы закончить работу.

— Я не могу остаться, Клэр.

И это окончательно убило остатки счастья на ее лице.

— Почему?

Он пожал плечами, не зная, что сказать, но она покачала головой.

— Не надо. Скажи мне, почему?

— Я не могу делать это снова. Я и ты, я имею в виду. Это не правильно.

— Полчаса назад, кажется, ты думал, что вполне правильно.

— Я хочу тебя. Я всё ещё хочу, но... Брендан...

Он не знал, как это объяснить, и все слова в мире не смогли бы сделать это легче. Наверное, только сделают больнее.

— Мне надо идти. Завтра позвоню, может быть.

— Джастин.

Он остановился, держась рукой за ручку двери, но не обернулся.

— Не возвращайся.

Глава 6

Эти слова нелегко ей дались, и её трясло от усилия, которое потребовалось, чтобы вымолвить их, но она не взяла бы их обратно.

Рука Джастина скользнула с ручки двери, он медленно повернулся к ней лицом.

— Клэр, не делай этого.

Он и вправду думал, что она хочет выкинуть его из своей жизни? Он был её лучшим другом. И, несмотря на все её усилия отрицать и отклонить это, он был мужчиной, в которого она влюбилась. Или, может быть, которого она всегда любила, но не признавала этого.

— Я думала, после рождественского вечера у нас всё наладилось, - сказала она тихо. — Я думала, наша дружба сохранилась. А сегодня вечером, в твоём грузовике, я подумала, мы разобрались с проблемой... Что бы мы ни чувствовали, мы делаем шаг вперёд вместе, но нет. Ты пристрастился к каким-то запутанным эмоциональным горкам, а мне этого не нужно.

— Я не хочу делать тебе больно.

— Но ты делаешь. Я всегда любила тебя, Джастин, но думаю, моя любовь к тебе меняется, и это пугает меня. Пока ты не найдёшь своего места, тебе лучше уйти, пока не стало хуже. Пожалуйста.

— Ты была красивой невестой, — прошептал он.

Смена темы разговора вывела её из равновесия, и непроизвольно она бросила мимолётный взгляд на их с Бренданом свадебную фотографию. Через секунду она успокоилась и снова посмотрела на Джастина.

— Речь не о прошлом. Речь о настоящем.

— Как это может быть не о прошлом? Я стоял здесь, рядом с моим лучшим другом, и смотрел, как ты клялась любить, уважать и заботиться о нём.

— Пока смерть не разлучит нас. Я любила его, Джастин. Я и сейчас его люблю, и если бы он был жив, я бы провела с ним всю свою оставшуюся жизнь. Но он умер. Та жизнь кончилась, но я ещё здесь и должна начать новую жизнь. И я хочу начать её с тобой.

— Я не могу. Ты жена Брендана, Клэр. Я не могу оставить это в прошлом.

— Нет, я вдова Брендана. Я больше не его жена.

— Но ты была. Я любил жену моего лучшего друга. Ты знаешь, каким жалким подонком я себя из-за этого чувствую? Самым мерзким, вот каким.

«Я любил жену моего лучшего друга». Его слова медленно оседали и ещё медленнее она их осознавала. Если бы он сказал, что спал со вдовой своего лучшего

друга, это не имело бы для неё никакого смысла. Она знала, что их отношения с Бренданом все перепутали в его голове. И не только в его.

Но его слова звучали так, будто он любит её. И любил задолго до того, как Брендан погиб. Это было невозможно, потому что он был её лучшим другом, и она знала бы, если бы он испытывал к ней подобные чувства.

— Ты никогда не предавал его, — сказала она, потому что в данный момент она мало в чем была уверена, но в этом она абсолютно не сомневалась.

— Предавал. В душе. И когда я закрывал глаза по ночам, я старался не представлять нас в одной постели, но всё же видел. Я действительно очень старался.

На его лице было написано, чего ему стоило это признание, и она не могла не признать этого. Она посмотрела вниз на Мокси и погладила ее шерсть, не совсем уверенная, кого она хочет успокоить: кошку или себя.

— Ты не это имеешь в виду, Джастин.

Это не могло быть правдой, потому что это меняло всё, во что она верила о своих отношениях.

— Это правда.

— Его больше нет.

— Мы оба любили Брендана слишком сильно, чтобы он когда-нибудь исчез. Я... Я просто не могу так поступить.

— Тогда тебе лучше уйти. У меня и так было слишком много боли и несчастья, чтобы держаться за что-то, что приносит мне боль, даже если это ты.

— Не надо. Пожалуйста.

— Мне приходится.

Казалось, он хочет ещё что-то сказать — она видела это по его лицу. Но он открыл дверь и вышел в холодную ночь. Первая слеза упала, когда он закрыл дверь, и к тому времени, когда вдали затих звук двигателя его грузовика, она ревела в подлокотник дивана. Мокси, стараясь утешить ее, терлась об её волосы.

Клэр знала, что поступила правильно, прогнав Джастина, но не ожидала, что это будет так больно. И по своему опыту она знала, что болеть будет долго. Больно будет каждый раз, когда ей захочется взять телефон и позвонить ему, но она не сможет. Больно будет каждый раз, когда она услышит шутку, которая его бы рассмешила, но не сможет ею поделиться. Больно будет, когда будет фильм, который, она знала, понравился бы им обоим, и ей придётся пойти в кинотеатр без него.

Даже если он вернется, между ними никогда больше не будет того, что прежде. Теперь она знала, что он любил её — он использовал прошедшее время — а она любит

его в настоящем времени. Но он был прав. Они оба любили Брендана слишком сильно, чтобы он когда-нибудь исчез. И, в то время как она могла принять, что ей повезло любить двух замечательных парней, которые оказались лучшими друзьями, Джастин не мог.

Когда слёзы иссякли, пусть временно, она несколько минут погладила Мокси, потом умылась. Она включила радио, чтобы прогнать тишину, а затем схватила несколько пустых пакетов, которые она всегда засовывала под кухонную раковину, и начала собирать его вещи. Не было смысла иметь одежду, и туалетные принадлежности, и прочее имущество Джастина по всему дому, раз он никогда больше не будет заваливаться на её диван. Или спать в её кровати.

К сожалению, боль не утихла в течение следующих нескольких дней. Приближалось Рождество, в это время особенно грустно быть одному и выхаживать хрупкое сердце. Она сосредоточилась на работе. Это помогало. Не за горами было время платы налогов, поэтому работы хватало. Не было необходимости часто покидать квартиру, что тоже помогало, так же как и разговоры с семьёй по телефону. Но она скучала по Джастину так сильно, что не проходило и несколько минут без того, чтобы не думать о нём. Даже Мокси, казалось, скучала по нему, судя по тому, как она ходила перед дверью, а затем на кухне терлась о ножки "его" стула.

Джуди Рутледж позвонила ей ярким ранним утром Сочельника, чтобы пригласить ее встретиться за завтраком, и Клэр подумала сослаться на головную боль. Но, в конце концов, она приняла душ и оделась, даже наложила лёгкий макияж, и направились в кафе, чтобы встретиться со свекровью.

Джуди заняла ей место, и Клэр улыбнулась, проскальзывая на него.

— Я надеюсь, у них много свежесваренного кофе.

Она одарила ее взглядом, который можно было бы считать лишь материнским осмотром.

— Ты выглядишь так, как будто тебе это нужно.

— Ты знаешь, как это бывает. Праздничная усталость. И половина моих клиентов только что поняли, что это конец года, и они в панике из-за налогов.

— Я надеюсь, ты не настолько занята, что не можешь сделать перерыв и прийти на вечеринку сегодня вечером.

Вечеринка. Клэр удалось не застонать громко, но она знала, что ей повезёт, если сможет уйти из кафе, не выворачивая нутро наизнанку. У её свекрови имелся сверхчувствительный эмоциональный радар, и она не принимала "прекрасно" за ответ.

— Я не уверена, смогу ли я прийти, — честно сказала она. Она не решила ещё, готова ли она встретиться со всем этим лицом к лицу.

Если бы Джастин пришёл туда, ей стало бы дерьмово, увидь она его снова, если бы он не пришёл, ей было бы дерьмово знать, что она встала между ним и людьми, которых он считал своей второй семьёй. Ни то, ни другое, не наполняло ее праздничным настроением.

— Я надеюсь, ты постарайся. Без тебя будет не то.

От необходимости ответить Клэр спасла официантка, которая появилась, чтобы принять заказ, и ей пришлось притвориться, что у неё есть аппетит. Она решила, омлет и жареный картофель будет легко размазать на тарелке, что будет выглядеть, как будто она съела больше, чем на самом деле.

Однако посреди еды и бессмысленной светской беседы, Джуди опустила вилку и посмотрела на неё в упор.

— Скажи мне, что происходит, Клэр. Не заставляй теряться в догадках и выдумывать что-то ужасное.

Смотреть в глаза матери мужа казалось ещё более ужасным, чем это было раньше. Будет больно, независимо от того, сколько она пыталась отгородиться от правды о ситуации.

— Джастин и я... мы типа поссорились.

— Я так и подумала. Он тоже на себя не похож, — Джуди отпила глоток кофе, выглядя задумчиво. — Должно быть, особенно тяжело расставаться с другом в Рождество.

Да, тяжело, хотя Клэр только кивнула, потому что всегда могло быть хуже. Они обе видели, что значит тяжело. Тяжело было, когда рука Джуди вцепилась в её руку на похоронах так крепко, что она думала, их кости треснут.

— Клэр, — Джуди не сказала больше ни слова, пока она не перестала возиться с ее жареный картошкой и не подняла взгляд. — Я надеюсь, ты знаешь, что Фил и я любим тебя как родню дочь, но это не значит, что мы хотим, чтобы ты провела остаток жизни, горя по Брендану. Ты можешь рассказать мне, милая. Я хочу, чтобы ты поговорила со мной.

— Это слишком запутанно, — Клэр покачала головой, глядя в свою почти пустую кофейную чашку. — Это было просто... Я думаю, мы оба были одинокими, и мы пошли на Рождественскую вечеринку, и слишком много выпили, и... это слишком запутанно.

Ей было противно сваливать на алкоголь, потому что это была ложь, но это было легче, чем пытаться объяснить путаницу эмоций, в которую превратились их с Джастином отношения.

— Ты любишь Джастина.

От утверждения, сделанного так просто и без обвинения, горло Клэр сжалось, и она изо всех сил держалась, чтобы не разреваться. Ее чувства к Джастину были настолько сложными, что она не думала, что их можно подытожить так легко.

— Но между вами стоит Брендан, — продолжила она.

— Брендан не стоит между нами, — сказала Клэр, чуть резче, чем ей хотелось. Она бы не стала делиться с Джуди признанием Джастина о том, что тот любил жену своего друга, потому что это могло бы разрушить отношения между Джестином и Рутледжами, но она всегда о нем помнила. — Он с нами. В наших сердцах и наших мыслях, и он всегда будет, потому что мы любили его. Я скучаю по нему каждый день. И Джастин тоже.

— Я знаю, — Джуди потянулась через стол и сжала ее руку. — Я потеряла сына, но я не знаю, каково это, потерять мужа, поэтому я не знаю правильных слов, чтобы сказать. Но я надеюсь, что ты не отступишься от Джастина — или от себя — только потому, что сейчас тяжело.

Иногда это было слишком тяжело, но она не хотела терзать Джуди дальше такой удручающей темой.

Особенно утром в Сочельник.

— Я пока ни от чего не отступаю. Но давайте поговорим о чем-то еще. Так как Вы всё знаете, что Фил подарит Вам на Рождество в этом году?

Джастин стоял, засунув руки в карманы пальто и глядя вниз на плиту из полированного гранита.

Брендан Рутледж. Любимый Сын, Муж, Брат и фанат Red Sox.

Он сидел между Джуди и Клэр в кабинете директора похоронного бюро, держа их за руки, пока проходил длинный болезненный процесс планирования их прощания. Но Фил, который сидел, обняв сестру Брендана, и молчал до момента, пока не дошло до надгробной плиты, сказал, что его сыну хотелось бы, чтобы мир знал, что он был фанатом Red Sox.

Все три женщины засмеялись — слабое, испуганное развлечение, которое пронзило через удушающее покрывало неожиданного, до глубины костей, горя.

Клэр хотела добавить "друг", ради Джастина, но служащий похоронного бюро был обеспокоен количеством места на небольшом камне. Джастин сжал ее руку и сказал ей, что "брат" выражает все важное в его отношениях с Бренданом.

Теперь он смотрел на это слово, вырезанное навсегда в граните. Брат.

— Я спал с твоей женой.

Не было грома. Не было удара молнии, или воя ветра, или лавины ледяного дождя. Просто тишина и биение его сердца.

— Я старался не делать этого. Я чертовски старался. — Он сглотнул. — Мы пытались обвинить алкоголь в первый раз. Но мы не были пьяны. Это было просто оправдание, мы его использовали, чтобы всё уладить. И... тогда мы сделали это снова.

Он остановился. Выдохнул.

— Я сделал ей больно. Ты поклонялся ей, и ты делал так, чтобы она смеялась и улыбалась и ... Я заставил её плакать. Я думаю, что больше, чем за что-нибудь, ты бы пнул мою задницу только из-за этого. Боже, я хочу, чтобы ты мог отпинать меня прямо сейчас.

Джастин услышал сдавленный всхлип сзади и повернулся, чтобы увидеть Джуди Рутледж, стоящую на небольшом расстоянии позади него. Ее лицо было бледным и в слезах, ее затянутые в кожаные перчатки руки душили стебли небольшого рождественского букета. Чувство вины за то, что он сделал больно ещё одной женщине, которую Брендан любил, почти лишило его сил.

— Он считал тебя своим братом, — сказала она тихим голосом, который бил по нему, как разрушающий шар.

Его плечи сгорбились под пальто, пока он ждал обвинений и упреков от женщины, которая была как вторая мама для него. Он не будет пытаться оправдываться за то, что он сделал или прятаться от боли. Он заслуживает того, чтобы ему было так же больно, как ей. Больше. Потому что он предал и ее тоже.

— Я любила тебя как сына, Джастин. Мальчики. Так Фил и я всегда называли вас. Мальчики.

— Вы, вероятно, были ближе, чем любые настоящие братья могли бы быть. И теперь он ушел.

Сильнейшая боль в ее голосе и в глазах заставили его сердце сжаться, и спазм в горле едва давал ему дышать.

— Я не хотел, чтобы это случилось.

— Но у меня всё ещё есть вы. У меня все еще есть один из моих мальчиков и есть Клэр, она всегда будет для меня второй дочерью. И мне больно видеть вас обоих в таком состоянии.

Он покачал головой, его руки сжимались в кулаки в карманах. Он не хотел ее мягких слов и слез сострадания. Она должна быть злой. Она должна бить его кулаками в грудь и кричать на него за то, что он изменил памяти её сына, за то, что он предал дружбу Брендана.

Вместо этого она шагнула вперед и открыла свои руки, но он снова покачал головой. Слезы застилали глаза, и он видел размыто, когда она обняла его щеку ладонью.

— Из дня в день я верила, что мой сын сейчас в чудесном лучшем месте, — сказала она тихо, но твердо. — Я верю, что он может чувствовать мою любовь к нему. И раз я верю в это, я так же верю, что он может чувствовать твою боль. Он очень любил тебя и Клэр. Когда вам двоим больно, он чувствует себя несчастным.

— Я спал с его женой, — прошептал он, и она опустила руку.

Она обошла его и положила букет живых цветов у подножия надгробья. Он смотрел, как её плечи поднялись под пальто, когда она глубоко вдохнула и провела пальцами по имени сына.

Затем она сунула руки в карманы и снова повернулась лицом к Джастину.

— Ты должен перестать говорить себе это. Ты должен перестать в это верить. Ты спал с Клэр. Ты спал с женщиной, которую любишь и которая любит тебя, и, как ни банально это может звучать, Брендан хотел бы, чтобы вы оба двигались дальше. Были счастливы.

Он мог бы сказать ей и остальное. Прежде, чем она пожелает ему больше счастья, она заслуживает того, чтобы знать всё.

— Я всегда любил ее, миссис Рутледж, даже до того, как он ... до аварии.

— Если бы я на секунду поверила, что ты каким-то образом предал моего сына, я не смогла бы смотреть тебе в лицо, Джастин МакоКрмик. Ты знаешь это, не так ли?

Он кивал, пока она не взяла его лицо руками и не заставила его посмотреть на неё.

— Ты не можешь выбирать, кого любить. И ты не можешь прогнать любовь.

— Я старался. Я старался не любить её.

— И посмотри, чем это закончилось. Вы оба несчастны. Брендан мог быть твоим лучшим другом и мужем Клэр, но он был моим мальчиком, и я знаю — я верю в душе — он бы считал благословением видеть вас двоих счастливыми вместе.

Он хотел верить в это. Но он провёл слишком много лет, говоря себе, что его чувства к Клэр безнравственны, и чувство вины не было переключателем, который можно переключить, потому что мама Брендана сказала, что всё в порядке. Тем не менее, он хотел, чтобы так и было. И в первый раз он позволил себе представить, что скажет Клэр, что он любит её.

Миссис Рутледж всхлипнула, а затем, казалось, взяла себя в руки.

— Ты заглянешь на вечеринку сегодня?

— Скорее всего, нет. Я не очень хорошая компания, и я не собираюсь притворяться, что мне весело.

— То же самое и Клэр сказала. Тебе следует увидеться с ней, Джастин.

— Я не знаю, — он не был уверен, что он мог дать ей то, что ей нужно.

Улыбка Джуди была теплой, с легким налётом грусти.

— Вы оба потеряли Брендана. Вы действительно хотите потерять и друг друга тоже?

Когда он ехал домой, вопрос о расставании не оставлял его. Он эхом прокатывался в его сознании, снова и снова, так что ему хотелось биться головой о руль, чтобы прекратить это. Он не знал, что он хотел делать, но была одна вещь, которую он знал наверняка. Он не хотел терять Клэр.

Когда в дверь постучали, Клэр знала, что это был Джастин. Она узнала звук его грузовика, съезжающего с дороги. Она узнала звук его сапог на лестнице. И она включила телевизор, полная решимости продолжать плакать под одну из самых классных праздничных комедий, когда-либо сделанных, хотя "Рождественские каникулы" без него были не те.

Джастин снова постучал. Она проигнорировала это. Проигнорировала и стук в дверь, и стук в ее сердце, и ужасную боль в желудке.

Она слышала царапанье металла по металлу, и боль её усилилась. Его ключ ему больше не поможет. Она сменила замки.

Он сдался через несколько секунд, а затем снова стал стучать так сильно, что она удивилась, как он не помял металл. А может быть, и помял. Сейчас ей было всё равно.

— Открой эту проклятую дверь, Клэр, или, клянусь, я выбью её.

Так как он помогал Брендану устанавливать эту дверь, шансов выбить её у него не было.

Она слышала, как он ударил ногой дверь снизу, но не для того, чтобы её выбить, а из отчаяния.

— Клэр... пожалуйста.

Что-то изменилось в его голосе, что прошло прямо к её сердцу. Но если она впустит его, и он приблизится только для того, чтобы снова её отшвырнуть, она не уверена, что её сердце вынесет это. А он так и сделает, потому что он не мог отделить свою дружбу с Бренданом от своих чувств к ней.

— Я не уйду, Клэр. На этот раз я не уйду.

Учитывая, как долго он стоял за дверью, на морозе, она начала верить ему. И её нервы больше не могли выдержать, так что она сбросила флисовое одеяло и подошла к двери, щелкнула засовом и открыла её.

— Я первым увидел тебя.

Он выглядел ужасно, и её сердце сжалось от боли.

— Что ты имеешь в виду?

— Я первым увидел тебя, — он потянулся к её лицу, но она отступила назад. — Ты должна была быть моей, Клэр, и я семь лет жил с этим.

— Когда ты первый увидел меня?

— В ту ночь на вечеринке, я наблюдал за тобой и собирался пригласить тебя танцевать. Но я сделал ошибку, отойдя в туалет, вместо того чтобы сделать это. Когда я пришел, Брендан говорил с тобой. Вы смеялись, и ваша симпатия была так очевидна. Позже той ночью он сказал мне, что он встретил девушку, на которой он собирается жениться.

Она пыталась вникнуть в то, что он говорил.

— Я никогда не знала об этом. И Брендан тоже. Или же он никогда ничего не говорил.

— Я провел последние два года, говоря себе, что я должен был делать правильно, в память о моём лучшем друге. Но он бы не считал, что делать тебе больно, значит, делать правильно. И он бы не считал, что разрушать себя правильно.

— Несколько дней назад ты называл себя жалким подонком. Сейчас, внезапно, это стало нормально?

— Я узнал, что я не могу жить без тебя. И я понял, что Брендан хотел бы, чтобы мы были счастливы.

Она покачала головой, боясь, что он был просто на высокой точке в эмоциональных горках.

— А завтра утром новый оборот, и ты снова почувствуешь себя виновным и оттолкнёшь меня.

— Я понял это не сам. Мне помогла мать Брендана.

— Ты говорил с Джуди... о нас?

— Уверен, что не сказал ей ничего из того, что она уже не знала. Или, во всяком случае, подозревала.

В то время как благословение матери Брендана, вероятно, прошло долгий путь к ослаблению вины Джастина, было рискованно надеяться, что была какая-то волшебная палочка, которая все исправила лёгким движением запястья и заклинанием. И будет больно, когда он отступит. Очень.

Но ее собственный разговор с Джуди не забылся на задворках её памяти. Не отступайся от Джастина... или от себя... только потому, что сейчас тяжело.

Он взял её руку, и она смотрела, как он проводит большим пальцем по суставам её пальцев, потому что это было легче, чем смотреть ему в глаза.

— Я знаю, что причинил тебе боль, — сказал он тихо. — Мне жаль.

— Последние несколько дней совсем без тебя причинили боли больше, чем что-либо.

— Я не хочу пройти через это снова, Клэр. Это был сущий ад. Каждая минута этого ада была так же очевидна на его лице, как, она была уверена, и на её лице тоже.

— Я не могу обещать тебе, что не будет ситуаций, немного странных для меня, но я могу пообещать, что я не уйду от тебя, больше никогда.

Она думала, что это были слова, которые она давно хотела услышать, но их было недостаточно.

— Речь идет не о Брендане, и это проблема. Речь должна быть о нас. Ты и я, Джастин. Только мы.

— Я люблю тебя.

Она замерла, ее сердце бешено колотилось в груди.

— Джастин, я...

— Я люблю тебя, Клэр. Если убрать всех и все остальное, всё, что останется, это только ты и я. Все, что осталось, это лишь то, что я люблю тебя.

Смотреть в его глаза, это было все, что осталось. Может быть, это не было волшебным легко, но он любил ее, и он мог сказать это, и этого было достаточно.

— Я тоже тебя люблю, но...

— Никаких но, Клэр. Я люблю тебя. Ты любишь меня. И если мы передвинемся чуть-чуть левее, мы окажемся под омелой.

— Чуть-чуть левее, хм?

— Да, с моей стороны левее.

Он потащил ее в сторону так, что ей пришлось передвигать ноги, чтобы оставаться в вертикальном положении. Глядя наверх, он взял ее за плечи и поставил ее под печальной на вид веточкой.

— Вот сюда.

— Я не позволю тебе целовать меня, пока мы не закончим разговор об этом. О "но".

Он скользнул руками по ее рукам к пальцам, где их руки переплелись вместе.

— Тогда давай поговорим об этом.

— Я хочу все это. Свадьбу и дом, будет ли это твой, или мы найдём другой вместе, и детей.

— Это предложение?

— Думаю, да. Ты женишься на мне, заведёшь со мной детей, и будешь целовать меня под омелой каждое Рождество?

Он закрыл на секунду глаза, напряженность, казалось, утекала из его мышц, потом он улыбнулся и поднял ее на руки.

— Да, я хочу на тебе жениться, — сказал он перед тем, как поцеловать ее.

Когда он закончил, он опустил её на ноги.

— Я бы хотел остаться сегодня, если можно. Завтра отвезу тебя к твоим родным и потом останусь на ночь. И в следующую ночь.

— Я бы хотела этого.

Он вздрогнул, когда Мокси начала карабкаться по его ноге, и, отцепив её когти от джинсов, прижал кошку и погладил ее по голове.

— Знаешь, она скучала по тебе. И я тоже.

— Я больше не уйду от вас, Клэр. Никогда. — Потом его внимание привлёк телевизор и он улыбнулся.

— Ты смотришь наш фильм.

Они сели на диван как раз в то время, чтобы увидеть, как загорелась ёлка семьи Грисволд, и они засмеялись, а она свернулась в его руках, столкнув Мокси с пути. Кошка фыркнула и свернулась калачиком у неё на коленях.

— Я люблю тебя, — сказал Джастин, утонув лицом в её волосах. — Я так долго ждал, когда смогу это сказать, что тебе, наверное, надоест это слушать.

— Никогда. — Она откинула назад голову, чтобы он мог поцеловать ее. — С Рождеством.

— С Рождеством. А я тебе говорил, что люблю тебя?